

СЛОЖИ МЕРТВЫМ

БОРИС ГРОМОВ
РЯДОВЫЕ
АПОКАЛИПСИСА

Мир «Эпохи мёртвых»

Борис Громов

Рядовые Апокалипсиса

«АЛЬФА-КНИГА»

2013

Громов Б. Н.

Рядовые Апокалипсиса / Б. Н. Громов — «АЛЬФА-КНИГА»,
2013 — (Мир «Эпохи мёртвых»)

Когда привычный нам всем мир внезапно сойдет с ума; когда реальностью обернутся самые жуткие и кровавые фантазии создателей фильмов ужасов; когда рухнут не готовые и не способные противостоять совершенно невозможной с точки зрения любого здравомыслящего человека угрозе государства; когда мертвые вдруг встанут, чтобы кормиться от живых, — у большинства тех, кто смог выжить, сразу появится много новых дел: раздобыть оружие и подходящий транспорт, запастись продуктами, найти убежище... Но есть и другие. Они отлично подготовлены. Их базы — изначально маленькие крепости. В их распоряжении есть и оружие, и даже бронетехника. А еще они давали присягу. Так что же они будут делать в новом, жестоком и кровавом мире?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

47

Борис Громов

Рядовые Апокалипсиса

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*г. Пересвет, база подмосковного ОМОНа,
20 марта, вторник, день*

– Красный!¹ – ору я во всю глотку и падаю на одно колено, сокращая тем самым возможную площадь поражения своего брэнного тельца. Глядеть продолжаю вперед, на заваленный обломками кирпича и всяким мелким хламом коридор с отстающей от стен бежевой краской, лоскутами штукатурки, свисающими с потолка, и темными дверными проемами без дверей. Из некоторых, оставшихся у меня за спиной, торчат выдвигающиеся щиты с простреленными мишенями. Ствол автомата не опускаю, не далее как пару минут назад сам это молодняку объяснял: куда глаза – туда и ствол, и сектор обстрела из внимания не выпускать ни на миг! Левой рукой на ощупь выхватываю из «разгрузки» новый магазин. Подбивом² выщелкиваю старый, и он с пластиковым дребезгом падает мне под ноги. Вставляю новый и снова во всю глотку: «Зеленый!» Встаю с колена. Ставлю автомат на предохранитель. Подбираю лежащий на грязном бетонном полу магазин. В воздухе висит запах сгоревшего пороха. Зеленые гильзы в серой цементной пыли и грязи выглядят инородными яркими пятнами. Разворачиваюсь лицом к замершей в конце коридора короткой шеренге из шести новичков. Чистенькие и не обмятые еще «горки»³, ярко-черные бронежилеты и оливковые, без единой царапины шлемы с забралами, одинаковые «казенные» разгрузочные жилеты, довольно бестолковые, надо сказать, с неудобным расположением карманов. На мне, правда, сейчас такой же – дешевенький «Тарзан», но у меня есть и другой – куда лучше и намного дороже. Правда, я его ношу только на Кавказе; здесь, в Подмосковье, и «Тарзана» хватит за глаза. Ничего, к следующей командировке закажем парням другие, вроде натовских, модульные⁴. А пока, на «тактике» побегать, и эти подойдут.

Есть все же и в командировках на Кавказ свои положительные стороны! Тренируемся-то мы постоянно, каждую смену, если не на выезде. Но нормальные, серьезные занятия у нас проводятся не так уж часто – вечно чего-то не хватает. Исключения – «редкие, но меткие» совместные занятия с группами «Вымпела» и период подготовки к очередной полугодовой «кавказской эпопее». Вот и теперь – до отъезда в Чечню всего десять дней. И родимый Главк, в кои-то веки расщедрившись, выделил нам на тренировки по боевому слаживанию целую грудку разной «имитации»⁵, да и боевых патронов на «пристрелку и приведение к нормальному бою» подкинул. Как не воспользоваться такой удачей и не погонять необстрелянный молодняк в

¹ «Красный», «зеленый» – в спецподразделениях этими голосовыми командами обозначают неготовность или готовность к бою.

² **Подбив** – способ замены магазина в автомате, при котором старый магазин как бы выбивают новым, ударяя им по защелке магазина и самому старому магазину. Способ удобен быстротой, но при нем выбитый магазин падает на землю.

³ «Горка» – полевое обмундирование спецподразделений из грубого брезента, с дополнительными тканевыми накладками на локтях и коленях для прочности.

⁴ **Модульная «разгрузка»** – «разгрузка» в виде жилета, либо ременно-плечевой системы, отличающаяся от обычного разгрузочного жилета возможностью произвольного расположения карманов и подсумков. Такую «разгрузку» каждый боец подгоняет под себя, размещая ее элементы там, где это удобно ему.

⁵ «Имитация» – общее название холостых боеприпасов, взрывпакетов и имитационных мин.

условиях, «близких к боевым»! Вот и гоняем, пока в Чечню не укатили. А молодежь пускай пока на базе посидит, потренируется. Их командировка – в следующем году.

– Все понятно или вопросы есть какие-нибудь?

В начале строя вверх поднимается рука со сжатой в кулак ладонью. Молодцы, кое-что усвоили.

– Что, Сергей?

– А нас в Москву отправят, как думаешь?

Да, блин. В Москве с самого раннего утра какая-то чушь творится. Сперва, когда я собирався на работу под бормотание телевизора, вроде было тихо, а вот к обеду начались беспорядки. Причем какие-то странные. И не массовые вроде, на митинги начала девяностых не похожие. Но, видимо, серьезные. Потому что сотрудникам милиции несколько раз пришлось стрелять. На поражение стрелять, а это уже очень серьезно. Правда, в новостях об этом пока – ни слова, ни полслова. А нам из Главка в дежурную часть позвонили, объявили готовность к общему сбору и «радостными известиями» поделились. Ладно, если «Лебединое озеро»⁶ по всем каналам не пустили – жить будем.

– А фиг его знает. Вряд ли. В Москве своего ОМОНа – три с половиной тысячи рыл... Наверняка сами управятся. Не переживай, ежели случится какая-нибудь заварушка навроде войны – ты ее не пропустишь. По теме занятия вопросы будут?

– Борь, ты после смены магазина патрон не дослал...

На лицах у молодых начинают проступать улыбки: как же – матерый прапор-«замок», да так прокололся.

– Да ты что?

Вскидываю «семьдесят четвертый» в сторону ближайшей мишени, скидывая по ходу вниз флажок предохранителя. Бам! Звук одиночного выстрела бьет по ушам. У молодых вытягиваются лица. Они пока не поняли. Да, мелькает молодняк! То ли дело раньше, когда в Отряд брали только отслуживших в армии, да желательно – в горячих точках. Таким почти ничего объяснять не надо было. Они и так все знали. Оставалось только боевое слаживание провести. Поверьте, уж я знаю, сам из таких.

– Вообще-то, – начинаю говорить я, – вам это пока рановато. Цель сегодняшнего занятия – наработка навыков работы в «тройке» при замене магазина. Пока один меняет, двое прикрывают. Плюс – азы перемещения при зачистке здания. Но раз уж заметили – поясняю. Умный и опытный боец всегда контролирует количество израсходованных патронов. До отсечки⁷ стреляют только новички и дилетанты. Лови!

Кидаю глазастому Сереге подобранный с пола магазин.

– Чего видишь?

– Там еще два патрона. Ты их считал, что ли?

– Нет. Во время штурма все происходит быстро, реакция на любое событие должна быть мгновенной. Поэтому голова не должна быть занята всякой ересью типа подсчета выстрелов. Я при снаряжении магазинов просто заряжаю после первых трех патронов три трассера. Потом, в бою, увидал, что трассера пошли – тут же смена магазина. А в патроннике – гарантированно есть еще один патрон. А значит, если в момент замены на тебя неожиданно какой-нибудь «демон» из-за угла выпрыгнет, то ты его даже с непристегнутым магазином привалишь. Ясно?

Молодняк дружно закивал буйными головешками, закачались вверх-вниз поднятые забрала шлемов.

⁶ «Лебединое озеро» – балет Петра Ильича Чайковского, отдельно известный тем, что именно его транслировали по всем телеканалам во время августовского путча в 1991 году.

⁷ **Отсечка** – характерный звук, раздающийся в тот момент, когда в магазине автомата закончились патроны.

– Ну и отлично. А теперь по порядку номеров на две «тройки» рассчитались! И покажете старому дяде, чего вы там запомнили. Точно вопросов нет? Если чего не поняли, лучше сейчас спросите. Потом – поздно будет. Учтите, худшая «тройка» отжимается в полной сбруе полтинник...

Мою грозную тираду прерывает хрип радиостанции.

– Алтай-11, Алтаю-1.

Так, капитану Каменкову Роману Владимировичу, нашему доблестному ротному, зачем-то срочно понадобился его верный замкомвзвод-один, то есть ваш покорный слуга.

– Алтай-11 на связи.

– Где находишься?

– В старой казарме. Тактикой с молодыми занимаюсь.

– Отставить тактику, бойцов – в кубрик, а сам бегом в дежурку.

– Понял тебя, Алтай-1.

Обвожу взглядом парней.

– Так, ноги в руки и бегом в расположение. Похоже, случилось что-то.

В голове промелькнула идиотская мысль: «Только б не государственный переворот! Вот только еще одного путча нам в довесок к поездке в Чечню и не хватает!»

В дежурке уже о чем-то спорят дежурный с помощником и ротный. Следом за мной вваливается потный и покрасневшийся, огромный, словно медведь-гризли, взводный-один – лейтенант Антон Тисов. Дураку видно – опять в тренажерном зале штангу мучил: хорошо ему, свалил обучение молодых на бедного меня, а сам со всем остальным взводом потопал в тренажерку. А я и не в обиде: честно говоря, всякие железяки тягать – не мое это. А вот тактические занятия мне всегда нравились, еще со времен армейской службы. Да и получается у меня это хорошо, чего уж скромничать. И с новичками возиться люблю. Они мозгам закостенеть не дают: иногда такое спросят – голову сломаешь, пока ответ придумаешь. А вот Тисов железо нежно любит. И оно отвечает ему полной взаимностью. Я тоже не дите субтильное: рост – без трех сантиметров «двушка» и вес в сто десять кило. Но рядом с Антохой начинаю испытывать могучий комплекс неполноценности. Щедро одарила природа простого парня из Урюпинска. Да и сам он не плошал: с юности толкал ядро, жал штангу, тягал гири. Вот и вырос такой, что смотреть страшно.

Вопрошающе смотрим на Рому и пожилого усатого майора-дежурного, которого весь отряд с давних пор зовет просто Дядя Саня. Вид у обоих... Ну, скажем так, озадаченный.

– Что случилось?

– Фигня случилась! – вздыхает Дядя Саня. – Фабрику старую в Ивантеевке помните?

– Это ту швейную? На которой в прошлый раз полтыщи вьетнамцев-«гастеров» повязали? Фэмээсники⁸ бедные еще носились как угорелые, не знали, куда ж их всех девать. Помним. А что, опять их отлавливать едем? Как раз небось хозяева новых набрали.

Отвечаю на вопрос, а у самого будто камень с души упал. Переворота не случилось, а значит, можно малость расслабиться.

– Докладываю голосом: в 14 часов 50 минут в Ивантеевское УВД позвонили сотрудники ЧОПа, что там на воротах сидят. Их трое – старший смены и два охранника, дежурят двое через двое. Внутри фабричного корпуса не лезут, их работа – ворота открывать, но тут заподозрили что-то неладное. Гастеры, оказывается, поутру чего-то бузили. Охранникам не слышно было толком, там стены толстые, но вроде орали. За помощью никто не прибежал, они поэтому и дергаться не стали. Там такое частенько бывает: вьетконг друг с другом отношения выясняет. Но до серьезных проблем дело не доходило. Повопят, да и перестанут. А тут – дело к обеду, а

⁸ ФМС – Федеральная миграционная служба, федеральный орган исполнительной власти, реализующий государственную политику в сфере миграции и осуществляющий контроль, надзор и оказание государственных услуг в сфере миграции.

в корпусе тишина, никто наружу не выходит, и даже оборудование не шумит. Вот их старший собрался и пошел в корпус проверить, все ли в порядке. А потом вдруг по радиации начал кричать, что его убивают. Потом замолк. Но зато из здания были слышны выстрелы.

– У старшего было оружие?

– Да, служебный семьдесят первый «ижак»⁹. Что и как, непонятно. Короче говоря – полная хрень. Ивантеевские послали туда три экипажа ГНР¹⁰, оперов из уголовки и почти всю дежурную роту ППС. Они на место прибыли в пятнадцать ровно. Оцепили местность, пытаются наладить контакт с теми, что в здании. Но внутрь не лезут, там же просто катакомбы какие-то, Шанхай в миниатюре...

– Шанхай, это вроде в Китае, – глубокомысленно говорю я.

– Ну, значит, Сайгон! – рыкнул Рома, – Боря, ты знаешь, как я тебя люблю и уважаю, но помолчи малость, а то в лоб дам! Дослушай. Там все очень серьезно.

– Так вот, – продолжил Дядя Саня. – Короче, пришел нам приказ из Главка – экипировка полная боевая по «тяжелому» варианту и ехать разобрататься, что там случилось. Ивантеевские говорят: здания зачищать и заложников освобождать – не их специфика.

– Так и не наша вроде... – говорю я. – Это ж вроде ОМСНа¹¹ работа. Пусть «Булат» или «Рысь» вызывают.

– Слушай, кончай резину тянуть, умник! – взрывается спокойный обычно Дядя Саня. – Пытались. В «Рыси» ни одной свободной группы. Так же как и в «Булате» и даже в «Альфе» или «Вымпеле»... Все в Москве. Там полный дурдом. Дежурный по главку говорит, ситуация ухудшилась. Какие-то психи на людей нападают. Судя по тому, что боли не чувствуют – наркоманы, наверное, или может секта какая. По ним из автомата палят, а они не падают.

– Дядя Саня, а у того дежурного фамилия, часом, не Андерсен? А звать его не Ганс Христианович? Скажи ему, что пить с вечера надо меньше, а закусывать – плотнее. Ага, секта Дунканов МакЛаудов, блин, убить можно, только оттяпав голову... Бред же полный!

– Ладно, все! – прерывает нас Рома. – Что там, в Москве творится, нас сейчас не касается. Наша задача – выяснить, что в Ивантеевке приключилось. В гараж уже отзвонились, через пять минут пазик будет тут. Старший – Тисов, боевая группа – двадцать человек. Только «бывалые», молодежь пускай базу сторожит, им пока рано. Даже базовый курс подготовки не прошли еще. Экипировка – тяжелый вариант. Оружие – пистолеты – всем, на кого закреплены – «Штурмы»¹², остальным – АК-74, снайперы пусть эсвэдэхи обязательно берут, мало ли чего и как. За светошумовыми гранатами старшины на склад уже умчались, так что ящик «зорек»¹³ будет. Все! Построение через пять минут перед дежуркой. Время пошло!

– Шлемы какие брать? А то у ЗШ¹⁴ забрало уж слишком сильно потеет, а там еще видимость хреновая. Может, «Маски»¹⁵ взять?

– Хорошо, берите «Маски». Но ты, Антон...

– Ясно, как обычно – в ТiGe, – не дает ему закончить мысль Тисов.

⁹ **Иж-71** – служебная модификация пистолета Макарова, в которой используется более слабый 9-мм патрон 9x17-мм «курц».

¹⁰ **ГНР** – группа немедленного реагирования, подразделение, состоящее из наиболее подготовленных сотрудников патрульно-постовой службы ОВД, выезжающее на самые серьезные преступления.

¹¹ **ОМСН** – отряд милиции специального назначения (в настоящее время СОБР), подразделение спецназа МВД, занимающееся борьбой с терроризмом, освобождением заложников, задержанием особо опасных преступников.

¹² **«Штурм»** (9А-91, он же «девятка») – малогабаритный автомат под 9-мм спец. патроны СП-5, СП-6 и ПАБ-9, состоящий на вооружении спецподразделений МО и МВД.

¹³ **«Зорька»** – сленговое название светошумовой гранаты «Заря-2М».

¹⁴ **ЗШ** (ЗШ-1.2) – шлем второго класса защиты с поликарбонатным прозрачным забралом. Входит в штатную экипировку спецподразделений МВД.

¹⁵ **«Маска»** – он же шлем ЗШ-1. Более ранняя версия боевого шлема для спецподразделений МВД. В отличие от ЗШ-1.2 не имеет забрала.

Да, вот такой вот он понтовый парень. Все люди – как люди, один Тисов не в нашем ЗШ, а в немецком. Купил в свое время с больших чеченских командировочных через Интернет бундесовский шлем для антитеррористических подразделений. Хороший шлем оказался, хоть и дорогой. Немного похожий на наш «Алтын», в котором ребята из «Альфы» работают, но поменьше, полегче и поаккуратнее сделан. Немцы в экипировке толк знают, ТIG стоил каждой заплаченной за него копейки. А еще на нем были отличные крепления для разных дополнительных «примочек», типа ПНВ... Или – видеокамеры. В том, что камера на захвате нужна, – сомнений нет. Случись чего, а у нас «все ходы записаны». Но вот таскать ее в руках – это проблема серьезная. Человек с камерой не может эффективно действовать сам, а иногда просто мешает остальным. А тут такая удача. Миниатюрную камеру брали уже всем взводом, в складчину. И теперь Антон у нас не только командир взвода, но и штатный видеооператор.

Ладно, пора собираться в путь-дорожку, а то пять минут, как в той песенке, это совсем немного, но вот успеть за них нужно столько... Есть, правда, и положительные моменты: «горка», «разгрузка», «Маска» и наколенники уже на мне, а значит, переодеться не надо. Tактический фонарь, опять же, уже к газоотводной трубке привинчен. Это штатовскому «СВАТу» хорошо – у них фонарики маленькие и крепятся на планку Пикатинни легким щелчком. Наши же фонари – изделие отечественное. Таким фонарем самим по себе вражину прибить можно. А к газоотводной трубке автомата он крепится при помощи четырех болтов и одной контргайки. Эстетика, конечно, на уровне пещерного века, зато не оторвешь, даже если очень постараться. Парни в Чечне экспериментировали: к автомату с прикрученным фонарем цепляли ГП-30¹⁶ и из него стреляли... И ничего! Даже не разболтался фонарик. Одним словом, осталось только скинуть легонькую «Кирасу-Универсал» второго класса защиты, в которой я по разрушенной казарме рысачил, а вместо нее влезть в тяжеленную «Кору-Кулон». А что делать? «Кора» хоть и весит одиннадцать с лишним килограммов супротив трех с копейками у «Универсала», зато и пулю СВД удержит, при некоторой удачливости, конечно. Хотя, ребра при этом поломаются, как сухие ветки. Но тут уж принцип простой: лучше лежать на больничной койке, чем в гробу. Так, что еще? Теперь – в оружейку. Получить сто двадцать патронов к «Тигре», «Старичка» и два магазина к нему. Да, господа, оружие у меня не простое, а именное. Точнее – имеющее имена. Я, правда, об этом никому не рассказываю, а то еще подумают чего не то и законопатят в заведение с мягкими стенами и ласковыми санитарями с комплекцией культуристов. Нет, не хочу! На самом деле все просто. «Старичок» – это мой ПМ. Он действительно старенький уже. Старше собственного хозяина, то бишь меня, на целых десять лет. Мне в прошлом декабре тридцать один стукнуло... Вот и считайте. Но несмотря на преклонный возраст мой пистолет – почти новый. Я его получил со склада. И до меня из него если и стрелял кто, то только на оружейном заводе, для приведения к нормальному бою сразу после изготовления. А потом залили моего «Старичка» толстым слоем солидола и отправили на консервацию. Где он и пролежал больше тридцати лет, меня дожидаясь. С автоматом тоже незамысловатая история вышла. Он тоже, мягко говоря, не новый, всего на год меня моложе. Что, кстати, меня не огорчает, а скорее радует. При Советской власти ко всему, что было связано с армией, относились очень серьезно, даже поговорка такая гуляла: «В СССР делают два вида изделий – одни для армии, а другие хреновые». Так что, преклонный возраст моих стволов говорит только об одном – о том, что сделаны они качественно. Так, ладно, что-то я отвлекся. Так вот, о «Тигре». Он, в отличие от пээма, до меня уже побывал в чьих-то цепких лапках. Возможно, даже повоевать успел. Но надо отдать должное предыдущему хозяину – следил он за автоматом на совесть. Вот только зачем-то вырезал на деревянном цевье слово «Тигр». Стрательно так, ровными и глубокими буквами. Сначала я было хотел цевье заменить, но, как

¹⁶ ГП-30 «Обувка» – 40-мм подствольный гранатомет.

обычно – то лень, то неохота... А потом уже и привык. Так и стал самый обычный АКС-74 за номером 591627 «Тигрой».

Быстро, словно при сдаче норматива на время, снаряжаю все четыре магазина, три распахиваю по карманам разгрузки, четвертый сразу примыкаю к «Тигре», ИПП и жгут я и не вынимаю никогда, они в своих кармашках постоянно лежат. ПМ и запасной магазин пакую в тактическую кобуру на правом бедре, автомат закидываю на плечо, стволом вниз. Уже выходя из кубрика, выуживаю из тумбочки масленку, пенал и кусок старой простыни: пострелять-то я сегодня уже пострелял, а вот на чистку времени не было. Ничего, ехать сорок-пятьдесят минут, не меньше, вот в дороге и почищу. Через окно вижу, как перед входной дверью в казарму лихо тормозит паз, водитель жмет на клаксон, давая понять, что их светлость уже тут и изволят выказать недовольство тем, что им приходится нас ждать. Бежим, бежим, не надрывайся!

Ярославское шоссе, 20 марта, вторник, день

Да уж, нашему водителю Ване Пузанову надо было не в ОМОН работать идти, а пилотом «Формулы-1». Пазик под его «чутким руководством» летел так, что только дорожные знаки перед глазами мелькали. Хотя, чему удивляться? Сколько я Ваню знаю, а знаю, слава богу, уже не год, не два и даже не десять: одну школу заканчивали, два года за соседними партами просидели; он всегда был фанатом высоких скоростей. На мотоцикле, на машине – неважно. Главное – чтоб стрелка спидометра ложилась, ветер в ушах свистел, да адреналин в крови бурлил. Хорошо, что он в милицию пошел. Иначе – в лучшем случае давно бы прав лишился.

Сижу на переднем сиденье, спиной к водителю, лицом к салону, дочищаю своего верного «Тигру». Оглядываюсь по сторонам. Да уж, ОМОН в пути, картина маслом... Антон, как обычно, заткнул уши наушниками айпода. Ему его любимая супруга на день рождения подарила. И все – пропал человек! Теперь и не поговорить с ним: накачал в Интернете аудиокниг и все свободное время фантастику слушает. Конкретно сейчас – «Ночной дозор» Лукьяненко. Откуда знаю? Дык самолично ему вчера эти книжки из локальной сети скачивал. Да, блин, вот такие мы все подонки и нарушители авторских прав. Мало нас правозащитники клеймят!

С заднего сиденья слышны приглушенные вопли.

– Да ты слон тупорылый!

– Сам ты, блин, слон тупорылый. И шуточки у тебя слонячи!

Ясно, опять у братьев Уткиных, Сашки и Олега, носящих гордые прозвища Дубль-один и Дубль-два, семейные разборки. Уткины – живая легенда Отряда. Они братья-близнецы: довольно высокие, худощавые, но жилистые, с тонкими, словно у музыкантов, пальцами. Даже на вид откровенно приятные парни, улыбочивые и доброжелательные. Встретишь на улице таких – и не скажешь, что в ОМОНе служат, больше похожи на скрипачей, поддерживающих хорошую физическую форму и регулярно посещающих спортзал. При всем при этом Уткины – не просто бойцы ОМОНа, они вдобавок еще и снайперы. Отличные, кстати, снайперы. Работают вдвоем, как и положено, снайперской парой. Один стрелок, второй – корректировщик. До Отряда братья служили по контракту в 76-й Псковской дивизии ВДВ и были неизлечимыми фанатами своего дела. Нет, многие из нас за свой счет себе какую-то экипировку покупают, такую, что не выдадут никогда, ибо вроде как не положено, но которая весьма может пригодиться: того же Антона с его шлемом взять... Да и моя командировочная разгрузка мне далеко не в сто рублей обошлась. Но Дубли – это нечто! Они, похоже, все свободные деньги тратят на всякие свои снайперские прикрасы. Чего у них только нет. Финского производства «лохматый» камуфляж-гилли, навороченный лазерный дальномер, крутой до умопомрачения ПНВ с какой-то фантастически чувствительной матрицей, портативная метеостанция, а в довершение всего – совсем уж необыкновенные американские прицелы «Льюпольд», которые они смогли закрепить на свои СВД, только прикупив специальные переходники с нашего крепления на планку Пикатинни. Дубли было пытались мне, темному, разъяснить всю прелесть «американ-

цев» и степень их превосходства над родными посконными ПСО-1, но я запомнил только «просветленная оптика» и «сетка мил-дот». Вот еще вспомнить бы, что это значит... Да уж, серость я безлошадная, как точно подметил Саня, старший из близнецов, он же Дубль-один. Ну и ладно. Серость значит серость. Главное – что я им приказы отдаю, а не наоборот.

На том же самом сиденье, не обращая ни малейшего внимания на перепалку братьев, дрыхнет, слегка приоткрыв рот и похрапывая, еще одна легендарная личность. Тимур Гумаров, среднего роста крепыш-татарин, единственный знакомый мне человек, которому не в состоянии помешать спать даже батарея «Градов», работающая всего в паре сотен метров. Если ему прямо сейчас не угрожает смертельная опасность, разбудить Тимура невозможно в принципе – проверено неоднократно. Можно включать музыку, орать у него над самым ухом, лить на него холодную воду. Все это бесполезно. В командировке ночной караул в паре с Гумаровым – это такая трагедия, что Софокл удавился бы от зависти! Пока удастся разбудить такого горе-сменщика, поднимешь не то что всю палатку, а весь базовый лагерь и примерно половину чеченских аулов в округе, совершенно расхочешь спать сам, а Тимур, скорее всего, так и не встанет. Такой вот уникал. Помимо этого – еще и отличный пулеметчик, и просто хороший парень.

Два закадычных друга Андрей Буров и Андрей Солоха слушают музыку с одного плеера, поделив по-братски наушники-таблетки – по одному «уху» на каждого. Судя по доносящимся до меня звукам – опять какой-нибудь Ди Джей Тиесто, или еще какой видный деятель «клубного движения». Чудно, ей-богу, взрослые мужики, оба старше меня, а слушают не пойми что, словно тинэйджеры прыщавые. Хотя, как говорится: на вкус и цвет – фломастеры разные. Одни рок любят, другие прогрессивтранс. Не Кучин какой-нибудь, прости господи, и то хорошо! Внешне наши Андреи – живая иллюстрация теории о единстве противоположностей. Буров – высокий, почти болезненно худой, но при этом жилистый, будто сплетенный из стальных канатов, с костистым лицом и запавшими ярко-голубыми глазами. Первое впечатление от него обычно не самое приятное. И в корне ошибочное. Человек он, несмотря на внешность, добрый и правильный, а главное – надежный. Такого поставь в драке спину прикрывать – и можешь быть спокоен: пока он жив, тебя сзади никто не ударит. Солоха – напротив, больше напоминает слегка похудевшего и где-то потерявшего свои штаны с моторчиком Карлсона. Маленький, кругленький, с добродушной, но хитрой физиономией... Нормальный такой хитрющий хохол. Друзей в беде не бросит, но и выгоды своей не упустит. Вот такие совершенно разные внешне, но все равно чем-то неуловимо похожие. Оба служат в Отряде чуть ли не с момента его образования. Оба прошли огонь и воду обеих чеченских компаний. Оба семейные: у Бурова подрастает дочка, у Солохи детей вообще трое. Отец-герой, блин!

Прямо напротив меня задумался о чем-то приятном, судя по улыбке на лице, мой старый друг и, можно сказать, боевой брат Леша Взрывалкин, который на самом деле носит фамилию Рыбалкин. Его я знаю почти так же давно, как и Васю Пузанова: мы с Лешкой познакомились в армии, в самый первый день службы, едва войдя в казарму. Вместе проходили КМБ¹⁷, вместе пошли служить в разведывательную роту. Правда, в роте нас слегка развело: я угодил в группу огневого обеспечения гранатометчиком, а Леха – в отделение инженерной разведки подрывником. Но в первую компанию в Чечне воевали бок о бок. Правда, после окончания срочной Лешка сразу подался в ОМОН, куда спустя четыре года, уже во время второй чеченской перетянул и меня, все еще продолжавшего служить по контракту. В ОМОНе Лешка занял должность инструктора-взрывотехника. А об уровне его подготовки вполне можно судить по прозвищу: Леша способен сделать бомбу из чего угодно, даже из пачки поваренной соли. Да и в обратном направлении, в смысле в разминировании, он тоже хорош.

Остальные – кемярят, развалившись, насколько это возможно, на тесноватых дерматиновых сиденьях. Вот такие мы странные люди. Там, понимаешь, человека в заложники взяли, а

¹⁷ КМБ – курс молодого бойца, первоначальный подготовительный этап армейской службы.

может и убили (не приведи боже). Возможно, придется освобождать силой. Может, даже стрелять. А мы – спим. Хотя, если вдуматься – ничего в этом странного. Это молодые-неопытные перед боем мандражируют: суетятся, галдят. А тут у нас народ проверенный, служат все по многу лет, в чеченские командировки катались неоднократно. А там всякое бывало... Вон, те же Андреи выжили в печально известном бою 2 марта 2000-го, когда под Грозным погибли восемнадцать наших парней. После такого захват заложника кучкой вьетнамцев – детский лепет.

Да и остальной народ в автобусе и впрямь новичками назвать сложно. Прожженные волки, битые-перебитые, причем, что характерно, как чужими битые, так и своими. И если с чужими, в принципе, все ясно: с чего бы, действительно, чеченцам нас чаем с плюшками угощать, то вот ситуация со своими – куда хуже. Для большинства обычных граждан мы просто свора «тупорылых гоблинов», что обижают бедненьких детишек-фанатов на футболе. Мы к этому давно привыкли, хоть и удивляет в людях этот инфантилизм, если честно. Неужели так трудно спрогнозировать, чем закончится встреча фанатов двух соперничающих команд, если между ними стеной не встанут «гоблины»? Для прогноза достаточно хотя бы раз увидеть разнесенную в клочья этими самыми «неразумными детками» пригородную электричку. Которая больше похожа на вырвавшийся из-под плотной бомбежки эшелон года так из 1941-го. Но зачем думать, когда и так все ясно: «менты – козлы» по определению. И мы с плевками в спину от сограждан давно смирились. Сложнее смириться, когда тебе в спину жирно харкает страна, интересы которой ты защищаешь, рискуя здоровьем, а иногда и жизнью. Сколько раз нас предало родимое государство – и не сосчитать с ходу. Начало положила уже совсем древняя, забытая всеми, кроме нас, история с предательством в отношении рижского ОМОНа. Который виноват был лишь в том, что выполнил приказ. А потом это уже вошло в привычку: первая чеченская, когда у нас просто украли в Хасавюрте нашу победу, потом вторая, которая началась-то вроде бодренько, а закончилась просто пшиком. И везде одно и то же: сперва отдают распоряжение, а потом – по обстоятельствам. Если все прошло гладко – высокое командование вешает себе на грудь орден, а нас снисходительно треплет по холке, молодцы, мол, так держать. А вот если что-то сорвалось и пошло не так – тут же выясняется, что никто никому никаких приказов не отдавал и начальство вообще было не в курсе дела. А стрелочниками, как обычно, назначаются рядовые исполнители.

Периодически я мысленно оглядываюсь на свое прошлое и сам себе поражаюсь, кой черт занес меня на эти галеры? Ну, казалось бы, сколько ж можно служить стране, которая тебя столько раз предала и смешала с грязью? Однако все еще служу, и все товарищи мои служат... Видимо, прав был мой первый ротный, навеки оставшийся где-то на забитых черно-рыжей, выгоревшей дотла бронетехникой и заваленных трупами улицах Грозного: Родина и государство – далеко не одно и то же! Государство наше, чего уж греха таить, подленькое и трусливое, я терпеть не могу. А вот Родину свою я люблю. И если понадобится – готов за нее умереть. За нее, за семью свою, за друзей. Да даже за этих двух симпатичных молоденьких девчонок на автобусной остановке, что мне только что рукой помахали.

А наш автобус тем временем свернул с Ярославского шоссе и понесся мимо высокого серо-синего здания с загадочной вывеской Delfin Group и белыми силуэтами двух дельфинов на синем фоне. Рывкнув сиреной и сверкнув «люстрой», проскочил через вечную пробку перед эстакадой над Ярославкой, словно издеваясь, нарушая все правила скоростного режима, пролетел мимо Учебного центра ГИБДД и въехал в Ивантеевку. Еще раз пуганув сиреной зазевавшихся водителей, наш «реактивный» пазик, взвизгнув тормозами, вписывается в поворот и, оставив по левому борту «Журавлей»¹⁸, подлетает к воротам Ивантеевской тонкосуконной фабрики.

¹⁸ «Журавли» – памятник жителям Ивантеевки, павшим в годы Великой Отечественной войны.

г. Ивантеевка, 20 марта, вторник, вечер

Да уж, тот факт, что здесь что-то стряслось, виден невооруженным глазом. Улица Дзержинского, на которой расположена фабрика, и так шириной никогда не отличалась. А теперь проехать по ней стало вообще невозможно: она перекрыта в обоих направлениях «субарами» ДПС, забита людьми и спецтранспортом. Возле будки-проходной из побуревшего, некогда ярко-красного кирпича и распахнутых настежь двустворчатых железных ворот толпятся человек двадцать – двадцать пять в серой милицейской форме с офицерскими звездами разного количества и размера на погонах и десяток человек в штатском, похоже – оперативники из уголовного розыска. Все при оружии. В основном – автоматы АКСУ, носящие «в рядах» либо ласковое прозвище «ксюхи», либо уж совсем неблагозвучное – «сучки». По обстоятельствам, в зависимости от ситуации. Хотя у нескольких висят на плече пистолеты-пулеметы «Кедр». Но тот факт, что подобное оружие этим людям откровенно непривычно, даже на первый взгляд сомнений не вызывает. Ясно, штабная братия... Как говорится – собрали всех, кого поймали, для массовки. А что ж девчонок из отдела кадров и бухгалтерии не прихватили? Прямо перед проходной стоит такой же ПАЗ, как и у нас, несколько «жигулей» четырнадцатой и пятнадцатой модели в милицейском окрасе и две белых «Газели»: одна с синей полосой по борту и надписью «УВД г. Ивантеевка. Дежурная часть», вторая с красной – «Скорая помощь». Чуть в стороне, возле темно-синего «икс-третьего» БМВ вальяжно стоят два господина в почти одинаковых черных кожаных плащах, под которыми, несомненно, скрываются черные строгие костюмы и галстуки. В руках у господ – опять же черные кожаные папки, а на лицах – выражение этакой усталой брезгливости. М-да, прокурорских с кем-либо перепутать сложно. «Гвинпины», блин, опять приперлись недостатки выискивать. Вот для борьбы с такими, собственно, и завели мы во взводе штатную видеокамеру. Чем-нибудь помочь такие «люди в черном» даже и не подумают, а вот гадостей понаделать – это запросто.

– На выход, бегом! – зычным голосом командует Тисов.

Грохоча ботинками, оружием и броней, мы выпрыгиваем на улицу через обе двери автобуса. Ну сейчас начнется, сперва будем долго и нудно ползать вокруг, прикидывая, откуда бы поудобнее вломиться в здание. А представители УВД в это время будут по очереди в мегафон увещевать вьетконговцев, предлагая им сдаться и вернуть по-хорошему захваченного охранника. А кто знает, может и получится? Был прецедент, когда после разговора «по душам» террорист отпустил заложника. Правда, «террористом» оказался упившийся до зеленых гномов слесарь, вооружившийся древней охотничьей «двутулкой», а заложником – его не менее пьяный, но в чем-то провинившийся собутыльник. Но здесь, судя по тому, что охранник в кого-то стрелял, ситуация намного серьезнее. А поэтому Дубли сейчас ползут осваивать крышу или площадку верхнего этажа какой-нибудь высотной хибары неподалеку, хотя особого смысла в этом нет – трехэтажное здание фабрики мало того, что старое, еще дореволюционное (а это уже подразумевает наличие высоких потолков, не любили предки тесноты), так еще и промышленное. Высота каждого этажа – метров шесть, наверное. А узкие окна – наверху, почти под потолком. Да еще и всяким тряпьем занавешены или фанерой и картоном забиты. Это уже «гости из Юго-Восточной Азии» озаботились. Светомаскировка, блин! Увидеть через них точно ничего не получится. Но все равно, снайперская пара должна занять позицию. Положено. А нам, похоже, придется этот «Сайгон» зачищать. Причем всерьез, а не как в прошлый раз, с шутками-прибаутками.

Подходим к проходной. Среди серых милицейских бушлатов выделяются две фигуры в темно-зеленых комбинезонах с огромными аляпистыми шевронами на рукавах и сущеглупых черных восьмиугольных фуражках с огромными кокардами, будто у американских полицейских из старых фильмов. Понятно, охранники, подчиненные того бедолаги, что в здании фабрики завис. Начать надо бы с них, может чего важного расскажут.

Антон тем временем подходит к стоящему возле милицейской «Газели» подполковнику в дорожной даже на вид зимней куртке с каракулевым воротником и фуражке с высоченной, будто у офицера гестапо, тульей. Ну, конечно-конечно, куда уж нам, простым рабоче-крестьянским парням до их подполковничьей светлости: куртка у них индивидуального пошива, из ателье, а не со склада областного ГУВД. Не удивлюсь, если бушлатик – не синтепоновый, а на каком-нибудь гагачьем пуху, да и воротник на синтетический не больно похож, вполне может быть – натуральный ягненок. Пижон, блин! Лицо у него знакомое, кажется, один из замов начальника местного УВД. Вот только по какой части зам – убейте, не помню!

– Командир взвода ОМОН лейтенант Тисов. Что тут у вас?

– Долго ехали, лейтенант! – Господин подполковник даже не удосужился представиться в ответ. Ой, блин, приехали! По физиономии видно – мало того что дурак, так еще и в образе. – Пока вы катались, мы сами почти справились, без ваших дуболомов!

– В смысле, почти? – нехорошо прищуривается Антон. Ему, похоже, выражение лица подполковника тоже не понравилось. – Поконкретнее нельзя?

– А чего уж конкретнее, – «подпол» прямо-таки лучится глупым самодовольством. – У нас в ГНР и покуче вас парни найдутся, сами разберутся!

По выражению лица взводного я понимаю, что сейчас ему больше всего на свете хочется высказаться на тему умственных способностей некоторых представителей командного состава, отправляющих своих подчиненных неизвестно куда без должной подготовки и снаряжения. Кто знает, возможно, он даже кое-что из своих мыслей высказал бы вслух, в более-менее корректной форме...

Но тут из фабричного корпуса послышалась беспорядочная автоматная стрельба. Заполошная, длинными, чуть не на полмагазина, очередями. Немая сцена... Штабные у ворот, раскрыв от удивления рты, замирают библейскими соляными столбами. Вальжные прокурорские шустро прячутся за своим джипом. Во, блин, могучий инстинкт самосохранения у крысюков тыловых!

А автоматы в здании лупят просто на расплав ствола. Ё... твою ж мать, похоже, нарвались там мужики на что-то! Причем нарвались конкретно. Как ни крути, а парни в ивантеевском ГНР вполне нормальные: взрослые, толковые, да и подготовку имеют неплохую. Пересекались мы с ними в командировках в Чечне, когда нас сводным отрядом милиции, со всей области собранным, усиливали. А тут... Так стрелять могут только насмерть перепуганные люди. Именно так я сам палил когда-то, в белый свет как в копейку, в своем первом в жизни бою. Деталей которого даже вспомнить толком не смогу – до того было мне страшно. Да что ж там случилось такого, чтоб несколько матерых взрослых мужиков ТАК перепугались?! Мля! Что я там делать собирался? Ходить вокруг да около, удобное место выискивать? Ага, щаз! Нашел уже! Теперь, похоже, придется ломиться наугад и в очень быстром темпе.

Взводному, судя по всему, в голову приходят те же мысли, что и мне. Он бросает на подполковника такой взгляд, что у того голова просто проваливается в светло-серый кучерявый воротник пижонистой куртки.

– Ну?! – рычит на него Антон.

Господин подполковник, видимо, решил, что сейчас его будут бить, испугался, и еще сильнее втянул голову в плечи, окончательно став похожим на перепуганную черепаху.

– Слышь, клоун! – взрывается Антоха. – Командует тут кто?!

– Я... – все еще испуганно вякает голова, слегка приподнявшаяся над воротником.

– Так может, уже скомандуешь чего-нито?! Мы ж без приказа сами действовать не можем, нас прокурорские без соли схарчат потом!

– Лейтенант, сделайте что-нибудь... – растерянно блеет подполковник, еще недавно бывший таким уверенным и самодовольным. Еще бы, если что пойдет не так, погоны с его плеч как катапульты отстреляются.

– Приказ ясен?! За мной!!! – рывкает Антон и вбегает сквозь гостеприимно распахнутые створки ворот во двор фабрики. Мы всей гурьбой ломимся за ним этаким бронированным стадом, на бегу разделяясь на «тройки» и перестраиваясь в боевой порядок. От ворот проходной до фабричного корпуса – метров сто. Примерно на полпути, перегораживая широкую асфальтированную площадку и залезая на газоны, стоят боком пять милицейских УАЗов. На дверях двух написано ППС, остальные три – новенькие «хантеры», видимо, экипажи ГНР. За ними прячутся десятка полтора вооруженных все теми же «ксюхами» растерянных «пепсов»¹⁹ в звании от младшего сержанта до старшины, с испугом уставившихся на грязное кирпичное здание фабрики.

– Сколько их туда вошло?! Давно?! – на бегу кричит им Тисов.

– Девять. Минут пятнадцать назад, – отвечает один из сержантов.

Подбегаем к входной двери.

– Ёп, эти уроды дверь заменили! – зло шипит Солоха.

И точно, вместо обычной деревянной двери, что была тут в прошлый наш приезд и которую мы сорвали с петель парой хороших пинков, путь нам преграждает сварная самодельная «железяка», покрашенная черной краской. Да еще и с электронным кодовым замком. Мля! Вот он «опыт – сын ошибок трудных»! Ай, какие шустрые и сообразительные работодатели у наших вьетнамских «братьев» оказались! Исправили, блин, обнаруженные проверкой недостатки!

– Может, не заперто? – Гумаров со всей силы дергает за сваренную из уголка ручку.

Ага, хренушки! А в корпусе автоматы продолжают молотить, словно стайка свихнувшихся швейных машинок.

– Твою ж маму!!! Да что там творится?! – не выдерживает Буров.

– Какой код замка? – ору я во всю силу легких, оборачиваясь к толпе ошалело сгрудившихся у «Газели» штабных.

Однако, коллеги явно не в себе и, похоже, даже не понимают, чего я от них хочу. Только один из «чоперов» удивительно быстро соображает, что от него требуется, и кричит в ответ четырехзначную комбинацию. Тыкаю пальцем по кнопкам. Парни за спиной щелкают флажками предохранителей и лязгают затворами автоматов, включают тактические фонари. Тисов, кроме того, поправляет камеру на шлеме и включает запись. Раздается тонкий противный писк – открыто. Распахиваю дверь и оглядываюсь на Антоху.

– Ну, «тройками» – пошли! – командует он, и мы врываемся на плохо освещенную тусклой лампочкой-«сороковкой» площадку лестницы, ведущей наверх, где автоматные очереди становятся все реже, и уже начали хлопать одиночные выстрелы из пээмов.

Так, все, собрался! Все лишнее из головы – долой! Все глупые вопросы и домыслы по ситуации – тоже. Зачистка «задумчивых» и заторможенных не любит. Зачистка – дело рефлексов, навыков и быстрой реакции. Особенно если идешь первым. А я именно первым и иду. Позади, растопырив стволы автоматов «елкой» влево и вправо, не отставая, словно раздвоившаяся тень, скользят неразлучные Буров и Солоха. На первом этаже не задерживаемся, тут нам смотреть особенно нечего, это я помню еще с прошлого визита сюда. Налево от основной лестницы – два здоровенных пустых зала, в которых раньше, видимо, тоже были цеха, а теперь – толстый слой грязи на бетонном полу и мелкий мусор по углам, только во втором стоят несколько бухт кабеля и свалены кучей в углу давно заржавевшие водопроводные трубы. Направо – «туалэт типа сортыр», как некогда метко подметил гениальный Папанов. Несет оттуда – соответственно. Нет, первый этаж нас сейчас не интересует, все происходит на втором. Хотя это не значит, что мы его так и бросим без внимания. А на что нам тогда замыкающая «тройка»? Вот пусть тылы и страхует. А нам – выше. Вообще, прохождение лестниц

¹⁹ «Пепс» – жаргонное прозвище милиционеров из подразделения ППС (патрульно-постовой службы).

и углов – чуть ли не самые сложные моменты любой зачистки. В других обстоятельствах мы поднимались бы медленно и осторожно, каждый держал бы свой сектор наблюдения. Сейчас свои уже наверху, причём ведут бой. Это, разумеется, не значит, что можно ломиться вверх, не глядя по сторонам, но и в скрытном передвижении нужда тоже отпала. Поэтому на второй этаж поднимаемся хоть и с оглядкой, но бегом. Снова площадка. Лестницу, ведущую на третий этаж, с ходу, без какой-либо команды берет под контроль четвертая «тройка», ставшая замыкающей после того, как пятая осталась прикрывать наши тылы на первом этаже. Роли в этой «пьесе» давно расписаны, а все «актеры», то есть мы, знаем их наизусть.

На площадке второго этажа дверь только одна, за ней, ежели меня память не подводит – галерея из четырех здоровенных залов, бывших раньше заводскими цехами. Которые теперь превращены в гибрид швейной мастерской, общежития и улья. Почти вся свободная площадь занята здоровенными раскроечными столами и малюсенькими столиками со швейными машинками. Уместиться за таким может только ребенок... Ну или вьетнамец. В узких проходах огромными грудями лежат тюки с тканями, нитками, тесьмой, стоят ящики с пуговицами, кнопками, «молниями» и прочей фурнитурой. На небольшом пятачке возле входной двери составлены огромной кучей клетчатые сумки «мечта оккупанта», так популярные среди челноков... В них – готовая продукция. Те самые «эксклюзивные товары из Европы», коими завалены прилавки Черкизовской, Коньковской и прочих вещевых ярмарок Москвы. А по стенам... О! Тут отдельная песня! Можно сказать – вьетнамское ноу-хау в области архитектуры! По стенам, будто ласточкины гнезда, наклеены спальные места. Попробуйте представить себе штабель из больших ящиков (примерно полтора метра ширина-высота и два – длина). Составленных у стены, один на другой, в четыре яруса до самого потолка. Представили? А теперь добавьте сдвигающуюся вбок дверцу, как у шкафа-купе на лицевой стороне. А внутри – матрас, подушку и груды тряпья, заменяющего постельное белье, маленькую лампочку в изголовье и сложенную в ногах стопку одежды. А на полу перед штабелем – стройные шеренги тапочек... Вот теперь вы знаете, как выглядят жилища вьетнамских гастарбайтеров. А еще там воняет. Нет, не так. Там **ВОНЯЕТ**. Все равно не то... Словами это амбре не опишешь. Вы служили в армии? Попробуйте представить огромную казарму, в которой живет мотопехотный батальон полного четырехротного состава. Живет, не выходя на улицу, не стирая одежду и белье, не моясь и даже окон не открывая для проветривания. И в этом же помещении готовит пищу. Не особо утруждая себя мытьем посуды и выносом мусора. И живет так уже не один месяц... А теперь представьте, как там пахнет. Ничего так картинка вырисовывается, правда?!

Входная дверь, кстати, тоже новая. И тоже стальная. К счастью, без панельки с кнопками, но, судя по размерам замочной скважины, механический замок тут вполне внушительный, вскрывать такой – только «болгаркой», или пластиком взрывать. Одно хорошо – до нас тут уже прошли, и дверь вряд ли закрыта. На мгновение замираю, жду сигнала о готовности «тройки», тут же получаю сзади легкий тычок в плечо – парни готовы. Ну раз готовы, тогда, как сказал когда-то один великий человек: «Поехали!» Нажимаю на дверную ручку и, рванув дверь на себя, вламываюсь внутрь.

Удивительное все-таки животное – человек, как много оказывается можно увидеть, услышать, почувствовать и обдумать практически мгновенно, если в этом возникает острая необходимость. Не сталкивались с таким интересным явлением? Когда действительно очень надо, мозг начинает работать быстрее любого компьютера, но как-то однобоко, что ли. То, что важно в данный момент, фиксируется и анализируется мгновенно, а вот все остальное будто отфильтровывается, остальное ты даже не замечаешь. Вот и сейчас. Вроде как бодрой рысцой бегу через цех, освещенный ярким и холодным, будто в морге, светом люминесцентных ламп, лавируя между рабочими столами, баулами, мешками и кучами тряпья, а голова работает сама по себе. Пахнет здесь как-то странно. Нет, тут и раньше розами-фиалками не благоухало. Но теперь к обычной для подобного шалмана вони застарелого пота, нестираного белья и носок, а

также любимейшего вьетнамского лакомства, той самой, ставшей уже притчей во языцех, поджаренной маринованной селедки прибавилось кое-что еще. Ну, во-первых, тут теперь сильно воняет сгоревшим порохом, а во-вторых... Вот тут сложно... Запах очень сильный, настолько, что забивает все остальные, даже пороховую вонь и «аромат» селедки. А вот опознать я его никак не могу: может ацетон, а может еще какая-то едкая химия. А еще тут очень сильно пахнет свежей кровью. Уж этот мерзкий, оставляющий во рту привкус меди запах с чем-то спутать сложно. И мне это не нравится. Очень не нравится. Бегу вперед к выходу из цеха, не останавливаясь и не оглядываясь. А что мне, собственно говоря, сзади высматривать? Сзади, как обычно: все три «тройки», двигаясь веером, прочесывают цех. Наша – по центру, оставшиеся две – слева и справа от нас, вдоль стен.

Раньше проход из одного цеха в другой был вполне приличных размеров – грузовик в эту арку проехал бы «не пригибаясь». Теперь на ее месте стена из ДВП с обычной деревянной дверью. Замираю примерно в пяти метрах перед ней и, не сводя автомата с дверного проема, жду остальных. За спиной – негромкий топот нескольких пар ног: парни подтягиваются и выстраиваются позади меня и обоих Андреев. Снова легкий тычок кулаком – готовы. Стартую с места и распахиваю дверь ударом ноги, как учили еще в армии, чуть ниже дверной ручки... Вернее – хотел распахнуть, да малость перестарался. Дверь оказалась несколько хлипче, чем ожидалось, и вместе с дверным косяком обрушилась на пол. Вбегаю в образовавшийся пролом.

Второй цех – точная копия первого: здоровый и отлично освещенный. И, прямо скажем, очень жаль, что освещенный, потому как сейчас этот огромный зал похож даже не на морг, а скорее на бойню. Тьфу, мля, гадость какая!!! Едва переступив через порог, я чуть не поскальзываюсь в гигантской луже крови, залившей все пространство перед входной дверью. Такое ощущение, что тут забили и разделали пару-тройку крупных свиней... Целое озеро кровищи...

В цеху – полный разгром: столы перевернуты, ящики со всякой мелочовкой опрокинуты, а их содержимое рассыпано по полу. И даже одна секция спальных мест оторвана от стены и завалена на пол. Можно подумать, что тут банда пьяных махновцев резвилась, ни в чем себе не отказывая. Спокойно и даже как-то отстраненно фиксирую подробности окружающего меня бреда: в луже плавают разодранная в клочья одежда, тапочки, еще какой-то хлам. А кроме того – обрывки внутренностей, ошметья мяса и даже кисть руки, то ли оторванная, то ли даже отгрызенная. Стены покрыты кровавыми брызгами и потеками, в нескольких местах видны размазанные отпечатки ладоней, будто кто-то пытался встать, опираясь на стену окровавленными руками, но соскальзывал. Мля, миленько так! Они тут что, живьем на части рвали кого-то?! За спиной слышу сдавленные матюги и звук, похожий на сдерживаемый рвотный позыв. Похоже, не только мне тут понравилось... Больше всего все вокруг похоже на декорации к дешевому фильму ужасов. Вот только успокаивать себя и пытаться не стоит – все равно не получится. Потому что все вокруг – реальность. Однако людей в зале нет, ни живых, ни мертвых. Только весь пол вокруг лужи истоптан следами десятков пар ног. Нахрена они все в этой луже топтались? Хороводы водили? Интересные, однако, обряды у них в Юго-Восточной Азии... Все следы, среди которых удалось различить и свежие, еще сырые отпечатки подошв армейских берцев, ведут в следующий зал, за широкую двустворчатую дверь, свободно открывающуюся в обе стороны, похожую на двери салунов в вестернах, только полноценного размера. Обе створки двери тоже густо заляпаны кровавыми потеками и отпечатками ладоней. Стрельба слышна именно оттуда. Ну, значит, нам туда!

Через второй зал по-тихому пробежать не получается: фанерные крышки перевернутых и разломанных столов грохочут под подошвами, мелкая фурнитура с бреньканьем разлетается из-под ног в разные стороны. Ох, не навернуться бы... О! Накаркал! Судя по смачному шлепку и тихому и короткому, но весьма экспрессивному матюку на татарском, на пуговицах поскользнулся Гумаров. Он у нас вообще парень горячий и матерщинник редкий, но ругаться предпочитает на родном языке. Мол, ежели никто не понял, так я вроде как и не выругался.

Дверь в третий цех гостеприимно распахивает перед нами свои створки. Что там, по общему мнению, должен кричать бравый боец ОМОНа, вламываясь в помещение? Что-то типа «Всем лежать мордой в пол! Работает ОМОН!»? Вот даже если б хотел рявкнуть что-то подобное – не смог бы: слова в глотке застряли. А я думал, что второй цех выглядит неприятно... Да нет, оказывается, со вторым все в полном порядке: подумаешь, перевернутые столы, лужа крови и кучка требухи на полу. А неприятно на самом деле тут: кровийшей комната заляпана чуть не до середины стен, а среди руин разнесенной в щепки мебели лежат трупы. Много трупов. Не меньше полусотни. Я столько свежееубитых людей в одном месте и в одно время с первой чеченской не видал. Но там – все ясно: дворец Дудаева брали. А тут-то что? Да и выглядят покойные, мягко говоря, не очень: их будто собаки грызли. Как в том же Грозном, когда бродячие псы трупы наших солдат до самой весны глодали. Проход в четвертый цех – примерно четырехметровой ширины и трехметровой высоты арку перекрывает импровизированная баррикада: поставленный набок железный раскроечный стол. Его крышка – толстый металлический оцинкованный лист, габаритами примерно пять на два, теперь перекрывает проход, словно забор. Для прочности конструкции стол подпирают несколько крупных деревянных ящиков и двое крепко потрепанных молодых парняг в порванном и забрызганном кровью синесером городском камуфляже, в каком обычно ходят милиционеры ГНР, в серых «Кирасах» и с «ксюхами» в руках. Третий, широкоплечий, выбритый наголо невысокий мужик лет сорока с погонами старшего прапорщика, широко расставив ноги, стоит на уцелевшем столике со швейной машинкой и лупит поверх баррикады одиночными из автомата куда-то вглубь четвертого цеха. Упершиеся спинами в стол пацаны, увидев нас, облегченно сползают вниз и садятся на пол. Один закрывает лицо ладонями, и плечи его начинают вздрагивать. Похоже, плачет. Все с ними ясно – мальчишки совсем. Или сразу после армии, или вообще не служили, «альтернатива», мля. Стоящий на столе стрелок опускает автомат и оборачивается к нам.

– Что тут? – слышу я у себя за спиной голос Тисова.

– Задница! – коротко и как-то устало бросает лысый. – Патроны есть? У меня только один магазин остался.

– Я спрашиваю, что происходит? Где заложник?! Где твои люди?! Почему на связь не вышли?! С какого хрена по гражданским палите?!!!

– Заложник вон, – кивок в угол.

И точно в углу, сломав туловище в невообразимой для живого человека позе, словно марионетка с оборванными ниточками, лежит пожилой мужик в таком же комбезе с огромными шевронами на рукавах, что и у «чоперов» на проходной. Мертв как бревно. А вот с причиной смерти непонятно: грудь вся изодрана автоматной очередью, посреди лба – пулевая отметина размером побольше, явно от девятимиллиметровой пээмовской пули, а в довесок ко всему – прогрызенная чуть не до позвоночника шея. Это как понимать-то? Любая из этих ран – смертельна, так откуда все три разом?

– Связи нету, – продолжает мужик, – станции у троих были. Мою с «разгрузки» эти, – неопределенный взмах рукой за спину, – сорвали. А парней сожрали...

– Не понял, – в голосе Антохи слышна неуверенность.

– Мля, чего ты не понял?! – вскипает прапор. – Гоблин ты, мля, тупорылый! Сожрали моих ребят! Живьем сожрали!! Голыми, мля, зубами!!! Думаешь, я псих?! Сам погляди!!!

Прапорщик еще раз машет рукой в сторону завала у себя за спиной, резко отворачивается и, на ходу меняя магазин в своем АКСУ, возвращается назад к баррикаде, из-за которой слышен в наступившей тишине какой-то очень мерзкий, но знакомый звук. Где ж я его уже слышал? Мать твою! Точно! Сам ведь только что Грозный зимой 95-го вспоминал... Именно с этим звуком бродячие грозненские псы жрали трупы наших пацанов. Запрыгиваю на стол, с которого только что стрелял по кому-то лысый «прапор», и заглядываю через край столешницы... Не знаю, сколько я разглядывал открывшуюся мне картину, скорее всего несколько

секунд, но показалось – что гораздо дольше. Спрыгиваю со стола и чуть не падаю на бок: ноги ватные. А я-то, дурень, думал, что испугать меня чем-либо после Чечни уже не получится. Ошибочка вышла...

– Антоша, – каким-то уж слишком спокойным голосом зову я Тисова... – сними это все, а то ведь нам снаружи хрен кто поверит.

Сам отхожу на пару шагов в сторону, и сильнейший рвотный спазм буквально скручивает меня в коромысло. Эк тебя, герой двух чеченских войн, сплющило... Совсем растерявшийся от происходящего Антон, не споря, лезет на стол. Я вижу, как его отшатывает назад и как расширяются у него глаза. Что, командир, и на тебя впечатление произвело? Нервишки и желудок у взводного явно покрепче, чем у меня. Он отцепляет камеру от шлема и начинает съемку с рук. Все верно, картинка должна быть предельно четкой и крупной, иначе нам действительно никто не поверит. Потому что не сможет поверить нормальный человек в рассказ о том, что в самом центре Московской области, в здании самой обычной фабрики бродят по цеху несколько сотен оживших мертвецов. Почему я решил, что это мертвецы? Да потому что не может человек, с выпущенными наружу кишками не спеша прогуливаться по комнате, периодически об эти самые кишки запинаясь. И разодранная сонная артерия тоже особо жизни не способствует. И при обглоданной до кости руке человек должен истечь кровью очень быстро, причем, судя по состоянию одежды, он ею и истек. Но это вовсе не помешало ему встать. И их глаза... Не может быть таких глаз у живого человека. Даже у обдолбанного самой сильной наркотой. Даже у пьяного, что называется, в мясо. Такими глазами может смотреть на окружающий мир какая-нибудь вырвавшаяся из ада потусторонняя тварь. Такими глазами может смотреть получившая тело смерть. И даже это не было самым страшным. Трупы не просто бродили по цеху. Они ЖРАЛИ. Сквозь толпу видно было плохо, но тем не менее можно было разглядеть «островки» согнутых спин и голов, дергающихся в такт работе челюстей. И звук раздираемого зубами сырого мяса... Его ни с чем нельзя спутать.

Оглядываюсь по сторонам. Все наши уже успели залезть на обломки мебели и заглянуть за баррикаду. Кое-кто так и замер, словно замороженный жутким зрелищем, не в силах отвести от него глаз. Кто-то последовал моему примеру и выплеснул на пол остатки завтрака и обеда. Антон продолжает съемку. Я достаю из нагрудного кармана «разгрузки» «Кенвуд», и подхожу к прапорщику.

– На каком канале работаете?

– На третьем.

– Ясно, – щелкаю настройкой частот. – На связи группа ОМОН. Заложник мертв. У ГНР шесть «двухсотых». Мы выходим. Конец связи.

Сказав все это, я снова переключаю станцию на нашу частоту. Сейчас начнется свистопляска в эфире: что, как, почему? А что тут скажешь? Тут показывать надо...

– Пятеро, – непонятно к чему говорит прапорщик.

– Что пятеро? – переспрашиваю я.

– «Двухсотых», говорю, пятеро. Ты как думаешь, какого рожна мы отсюда не свалили еще? У нас там, в цеху, человек остался. Их когда в сторону от двери толпой оттерло, он успел на стеллаж залезть. Надо его оттуда вытащить...

По глазам мужика вижу, что если мы откажемся помочь, он пойдет спасать своего подчиненного один. Прямо как есть, с единственным магазином в автомате.

Легонько толкаю кулаком в бедро Антона, все еще стоящего на столе и продолжающего снимать на камеру упырей, задираю голову и вопросительно смотрю на него. Давай, товарищ лейтенант, решай. Кроме тебя тут приказы отдавать некому.

– Слышу, не глухой, – бурчит он, спрыгивая со стола и цепляя камеру назад на шлем. – Он вообще жив еще, боец твой?

– Гена, ты там как, живой?! – кричит прапорщик в сторону цеха.

– Да вроде дышу пока, – доносится оттуда тихий голос. Станный какой-то, будто с полным ртом непрожеванной еды говорит, или язык плохо ворочается, как после наркоза у стоматолога.

– А чувствуешь себя как? – это уже Тисов.

– Фигово чувствую... Они мне предплечье сильно погрызли, и кусок щеки откусили. Я на руку жгут наложил, а вот чего с рожей делать... Кровь не останавливается. И больно – звиздец.

– Ты, Гена, потерпи чуток, мы сейчас чего-нито придумаем и вытаскивать тебя будем. Постарайся поверху поближе к двери перебраться. Только аккуратно, вниз не гробанись. Тебя как зовут? – это он уже лысому старшему прапорщику.

– Владимир.

– Антон. Ну будем знакомы.

Диалог вдруг прерывается гулками ударами с обратной стороны баррикады, будто кто-то там начал колотить кулаками в столешницу. Хотя, известно кто, – упыри. Два молодых милиционера, что подпирали баррикаду при нашем появлении, как по команде, вскакивают с пола и всем телом наваливаются на стол. Наши, сообразив, что к чему, дружно бросаются на помощь. Понятное дело, никому не охота, чтоб эти твари стол отодвинули и к нам «на огонек» заглянули.

– Оживились, суки, – зло ощерился прапор. – Они, похоже, совсем тупые: нападают, только когда видят или слышат. Пока мы тихо за этой стенкой сидели, они на нас и не реагировали. Поначалу, когда мы только стол перевернули, поколотились, а потом затихли. А теперь вот голоса услышали и опять ломаются.

– Да задолбали вы уже, уроды! – не выдерживает Тимур и, вскочив на стол, снова длинно и нецензурно высказывается по-татарски, а потом всаживает за баррикаду три коротких очереди из своего «Штурма». – Не понял...

– Побереги патроны, парень, – говорит ему прапорщик Вова, – они только на попадание в башку реагируют, когда мозги на стенку, все остальное им по фигу. И стреляй лучше одиночными. Или у тебя боекомплект бесконечный?

Гумаров щелкает предохранителем, переводя автомат на стрельбу одиночными и плотнее вжимает откидной приклад в плечо, стараясь прицелиться поточнее. Пять негромких хлопков выстрелов, бряканье гильз на полу. Удары в столешницу прекращаются. Похоже, наш бравый татарин уgomонил самых сообразительных упырей.

– Другое дело! – довольный собою Тимур слезает со стола.

– Так, ладно, Володя, что имеем по этим тварям? – спрашивает Тисов.

– Так, – лысый прапорщик, задумавшись, морщит широкий лоб, – короче, боли эти твари не чувствуют – факт. Ни на какие повреждения, кроме выстрела в голову, не реагируют. Тупые они страшно, вон, за Генкой вверх по стеллажам ни один полезть не сообразил, только внизу толпой собрались, и не очень быстрые. Цепкие, правда, как бультерьеры, если за одежду или руку-ногу ухватил – не оторвешь. И сразу грызть начинают. Да, еще, как дорвутся до жратвы – ни на что больше не реагируют, мы только благодаря этому тут и закрепились. Вроде все.

– Уже не мало. Так, парни, подтащите-ка к завалу какую-нито мебель, чтоб на ней всем в ряд встать можно было. Вот, кстати, вполне подойдет. – Антоха тычет пальцем в ряд стоящих у дальней стены, а потому не сильно поломанных столов. – Гена, ты где там?

– Тут я, – голос из четвертого цеха слышен теперь гораздо лучше.

Запрыгнув на многострадальный столик, выглядываю через край столешницы-стены, стараясь не глядеть на толпу мертвецов. Мля, не по себе мне от них, гадкое зрелище, аж передергивает. Подумать только, ведь фильмы ужасов Ромеро²⁰ про зомби мне всегда нравились. А вот

²⁰ **Джордж Ромеро** – американский кинорежиссер, снявший в 1968 году фильм ужасов «Ночь живых мертвецов», который фактически стал родоначальником жанра «зомби-хоррор муви».

«о'натурель» эти самые зомби ничего, кроме омерзения, не вызывают. Почти сразу замечаю светловолосого и смертельно бледного парня в сильно запачканном кровью городском камуфляже на самом краю верхней полки высокого металлического стеллажа. Вид у него и впрямь жутковатый. Сквозь сильно кровоточащую рану на лице видны зубы и кость скулы. И еще одно плохо: от стеллажа до входа в цех и нашей баррикады еще метров двадцать. И целая толпа мертвяков.

– Гена, – подаю я голос, – если мы тебе дорогу расчистим, ты до нас добежать и через стенку перелезть сможешь?

– Добежать, наверное, смогу. А вот перелезть – это вряд ли. Фигово мне очень: башка кружится и тошнит.

– Так, тогда вы двое – Антон тычет пальцем в подчиненных прапора Володи, с ходу меняя план действий, – и ты Тимур, ты у нас лось здоровый, по моей команде готовитесь отодвинуть столешницу. Как только парень вбегает, хватаете его в охапку и бежите на выход. Все остальные валят на той стороне всех упырей, что находятся рядом со стеллажом, и тоже сваливают, сразу после тех, кто выносит раненого. Боря и оба Андриюхи – на вас прикрытие отхода. Вы патроны малость экономьте, чтоб хватило. И по «зорьке» приготовьте, а лучше по две. Упыри, они хоть и дохлые, но, похоже, не глухие и не слепые, так что им должно понравиться. Какие-нито вопросы есть?

Какие уж тут вопросы. Выстраиваемся рядочком на подтащенных поближе к баррикаде столах, дружно щелкаем предохранителями, переводя автоматы на одиночный огонь. Тимур что-то втолковывает молодым из ГНР, они кивают и берутся за ножки раскроечного стола. Сам Тимур встает между двумя здоровыми ящиками. Ага, понятно, по команде наш татарский богатырь отодвинет в сторону ящики, а эти двое оттащат внутрь освободившийся край столешницы. Сам я, вдобавок ко всему, открываю два гранатных кармашка и разгибаю усики на «зорьках». Оба Андрея делают то же самое. Да, мы в курсе, что так делать нельзя. Но, как известно, когда нельзя, но очень нужно – то можно.

– Ну что, готовы? – Взводный обводит взглядом нашу короткую шеренгу. – Гена, готов?

– Да.

– Тогда огонь!

Ой, мля, какое ж все-таки счастье, что у половины наших в руках не «семьдесят четвертые», а бесшумные 9А-91! Если б «калаши» были у всех, так мы, наверное, на целую неделю бы оглохли. А так – дня на четыре, не больше. Несмотря на плотно сидящую на голове «Маску», выстрелы бьют по барабанным перепонкам со страшной силой. Каково сейчас «прапору» Вова и его подчиненным, у которых вообще шлемов нет, даже думать не хочется.

Нет, все-таки сосредоточенный огонь – страшная штука. В девять стволов мы буквально выметаем ходячих покойников с небольшой площадки между стеллажом и баррикадой. Гена оказывается парнем сообразительным и без всякой команды, но удивительно вовремя кулем валится с верхней полки на пол. Фу, приземлился на ноги! Немного шатаюсь и оскальзываясь, он довольно шустрым рывком пробегает по груде тел к выходу из цеха.

– Давай!!! – орет во всю глотку Тисов.

Тимур буквально отшвыривает от завала ящики, пацаны из ГНР сдвигают стол, и Гена, вбежав за завал, просто оседает у них на руках. Похоже, мальчишка все оставшиеся силы вложил в самую важную в своей жизни пробежку. Парни, подхватив товарища, пулей рванули в сторону выхода. Я кивнул Бутову и Солохе, и мы втроем спрыгнули со столов и встали перед дырой в баррикаде, меняя магазины.

– Антон, зеленый!!!

– Понял, все на выход!

Стрельба тут же прекратилась и все дружно ломанулись вон из цеха. Что там Вова сказал? «Не быстрые»? Что-то не похоже! Первые трое упырей, с измазанными кровью мордами

(язык не поворачивается назвать это лицами), были вполне себе шустрыми. Нет, помедленнее людей, конечно, но не намного. Однако пуля все равно быстрее и все трое мешками рушатся на пол, даже не успев отойти от завала. А вот четвертый, жирный и неповоротливый, здорово объединенный с обоих боков, с синюшной, оплывшей, но чистой рожей, оказался действительно тормозом, мало того что сам в проходе застрял, так еще и остальным дорогу перекрыл.

– Отходим! – команду я, и мои неразлучные «тени» срываются с мест. Я продолжаю «держаться» брешь в завале и ворочающегося в ней мертвяка.

– Зеленый! – слышу из-за спины голос Бурова. Отлично, до дверей парни добежали и теперь готовы прикрыть меня. С ускорением, будто на стометровке, бегу к выходу, вытаскивая на ходу гранаты из кармашков разгрузки. У «салунных» дверей притормаживаю и бросаю себе за спину обе «зорьки», Андрей делает то же самое и шесть черно-белых пластмассовых «мячиков» улетают под ноги лезущим из прохода мертвякам.

А мы уже пробираемся через рухнувшие поперек дороги «спальные места» во втором цеху. М-да, если б мы уже не оглохли от стрельбы чуть раньше, нам наверняка пришлось бы несладко. Взрыв шести «зорок» разом – ни фи́га не фунт изюма! Надеюсь, на зомби это произвело хоть какое-то впечатление. Уже почти на выходе из цеха, пропустив напарников вперед, я зачем-то оборачиваюсь. Мля, ведь недаром говорят: любопытство сгубило кошку! Глядя на болтающиеся туда-сюда створки двери в третий цех, сквозь которые отлично видно слепо тыкающихся друг в друга, стены и мебель мертвецов, я чувствую, как ноги заскользили по мерзкой кровавой каше под ногами. Мотая руками и совершая нелепейшие па, пытаюсь сохранить равновесие, но понимаю – бесполезно. Сейчас я просто искупаюсь в этом болоте из крови и кишок. Но в последний момент, едва не соскользнув, чья-то рука ловит меня за плечевую лямку бронежилета. Оборачиваюсь. На меня в упор смотрит Лешка Рыбалкин. Фу, блин, кабан здоровый, так за броник дернул, что чуть плечо не вывихнул. Хотя вывихнутое плечо куда лучше купания в этой мерзости под ногами.

– Ну че, танцор диско, обделался небось? Должен будешь!

– Да не вопрос, с меня пиво. Спасибо, Лех!

Самыми последними вдвоем вываливаемся на лестничную клетку. Стальная дверь за спиной клацает язычком замка. Вопрошающие взгляды ребят из «тройки», блокировавшей лестницу на третий этаж, все дружно игнорируют. Да уж, наверное, не сильно весело им тут было стоять, пальбу и взрывы слушать... Но сейчас есть проблемы поважнее, чем введение их в курс дела.

– Володя, ключ от двери у тебя?

– Мля! – Старший прапорщик растерян и раздосадован. – Нет, он у одного из наших был. Которого...

М-да, можно не заканчивать. Ой как фигово! Замок-то, хоть и здоровенный, но простенький. Если на ключ не закрыто, достаточно просто на дверную ручку нажать, дверь и распахнет. Причем – наружу. Ситуация...

Решение находит все тот же Рыбалкин. Встав к стене слева от двери, могучим ударом ноги он сшибает рукоятку дверной ручки, а оставшийся в замке стержень со второй рукояткой просто проталкивает мизинцем внутрь и она довольно громко звякает по бетонному полу.

– Все, всем на выход. Блин, да несите ж вы его по-человечески, не уроните! – это Антон парням, что несут Гену. – Под колени его подхватите с двух сторон, чтоб он на ваших предплечьях сидел, а он вас за плечи обнимет. И бегом к «скорой». Эй, внизу! Двери открывайте! Мы раненого несем.

Дружной организованной толпой вываливаем из корпуса во двор. На улице ощутимо стемнело, скоро шесть как-никак, еще часа полтора-два – так и совсем темно будет. Блин, как же хорошо, что вся эта погань в цехах заблокирована. А то от одной мысли о возможном «контакте» с толпой зомби на улице, да еще в сумерках, как-то нехорошо делается.

За заслоном из УАЗов – толпа. Похоже, все, кого мы видели возле проходной, сбежались во двор, поглазеть на нас. Мля, все им интересно, маленьким! Коли такие любознательные, так чего ж с нами в корпус не пошли?! Вот там и нагляделись бы до блевоты.

– Леха, – ищу я взглядом Рыбалкина. – Слетай до перехватчиков. У них там на торпедке ноутбуки... Они вообще-то для просмотра баз данных, но винда-то стоит. А значит, «Винамп» или «Медиа Плеер» есть. Сейчас Антоха тут видеопросмотр устраивать будет.

– А ты?

– А я пойду, помогу Гену к «скорой» отнести, а то эта детвора его точно уронит. Понаберут, блин, детей по объявлению, а они восемьдесят кило вдвоем унести не могут!

Вообще, я конечно, не прав. После увиденного и пережитого даже у меня некоторая слабость в коленках присутствует, чего уж с пацанов взять. В истерику не впали – и то хорошо. А эти вдобавок еще и сами отбились, оборону толково заняли и товарища не бросили. Вообще красавчики. Правда, есть у меня подозрение, что не будь с ними прапора Вовы, так эта свора наверху сейчас их косточками хрустела бы... Но это заслуги парней не умаляет. Когда вокруг полный звиздец, даже просто приказы толково выполнять, и то не всякий сможет.

Догоняю еле плетущихся по двору ГНРовцев. Один вроде ничего, крепенький, а вот второй уже ощутимо устал, покраснел, да и дышит тяжело. Того и гляди сам рухнет. Придерживаю его за плечо.

– Давай подменю, упрел ведь.

– Спасибо, – пацан с видимым облегчением уступает мне свое место.

Пока мы несем почти бессознательного Генку к предусмотрительно въехавшей во двор и вставшей рядом с УАЗами «скорой», Тисов и Володя уже подошли к милицейской «Газели» и что-то объясняют подполковнику и собравшимся рядом с ним штабным. Нью-нью, представляю, как вытянутся у их рожи минут через пять, когда Рыбалкин от дэпээсовских «субар» ноутбук притащит. Ладно, господа, это ваши командирские разборки, а нам, маленьким людям, там делать нечего. Как говорил один киношный персонаж: «Подальше от начальства, поближе к кухне».

Из салона «Скорой помощи» нам навстречу выбирается миловидная миниатюрная женщина, лет сорока – сорока пяти в коротком пуховике, накинутом поверх синего медицинского костюма. Она же открывает перед нами боковую дверь.

– Давайте сюда. Что с ним? Огнестрельное?

– Нет, искутали. Предплечье левой руки обгрызли почти до кости, и лицо... Впрочем, вы и сами видите.

– Животные?

– Хуже. Я сейчас кое-что странное скажу, а вы мне просто поверьте пока на слово. Ну, хотя бы постарайтесь поверить. Доказательства у нас есть, вон у штабной машины их сейчас нашему начальству демонстрировать будут... Короче, его искутали ожившие мертвецы.

В глазах женщины я уже читаю свой диагноз. Но она молчит. М-да, тактичная тетка. Я на ее месте уже высказал бы все вслух. И сомневаюсь, что в цензурной форме.

– Послушайте, я знаю, что выгляжу полным кретином. Но при этом говорю чистую правду. Помогите мальчишке, а о подтверждении моих слов потом поговорим, ладно? А пока сделаем вид, что его покусала чумная или бешеная собака.

– Хорошо, – спокойно говорит женщина и начинает доставать из своего чемоданчика какие-то ампулы, упаковку одноразовых шприцов и еще что-то медицинское, в чем я все равно разбираюсь хуже, чем поросся в апельсинах.

А я наклоняюсь к сидящему в салоне «Газели» Гену.

– Ну что, боец, ты как?

– Погано.

– Ничего, сейчас медицина тебя подлатает, и будешь как новенький. Держись.

Легонько хлопнув его по плечу, я направляюсь к проходной, где вокруг одной из «пятнадных» собралась немаленькая толпа. И я даже догадываюсь, на что они там устались. И уже отойдя от машины на несколько шагов, слышу за спиной тихий шепот Гены: «Господи, я живой... Хорошо-то как...»

Иду в сторону толпы, собравшейся возле увядшей «Газели» и прижавшейся к ней вплотную «пятнашки», а самого никак не отпускает какая-то до конца не оформившаяся мысль. Знаете, как это бывает? Вроде как почти понял что-то, но именно почти. Вертится в голове неясной тенью идея, а вот ухватить ее за хвост и по полочкам разложить – никак не выходит. И состояние это меня здорово угнетает. Потому что все догадки хороши вовремя. Как говорил дедушка Ленин: «Пгомедление – агхипгеступно!»

Ого! Это что у них там за кутерьма такая? Я пока еще далеко и слов не слышу, но чтоб эту «пантомиму» разгадать, экстрасенсом быть не нужно. Все и так видно невооруженным глазом: надувшийся будто индюк подпол и бордовый от ярости прапор. А между ними, непоколебимой стеной, не позволяющей пустить в ход кулаки – лейтенант Тисов собственной персоной. Ну да, история старая как мир: если начальник не хочет отвечать за свои ошибки сам, ему надо найти «козла отпущения». И наш бравый «зам. начальника УВД по не пойми чему» решил, что старший прапорщик Вова – вполне подходящая кандидатура на эту роль. А вот Вова, видимо, резко против. Нью-ню, интересно, чем же это кончится?

Хочу подойти поближе, но меня останавливает беззвучное, но настойчивое вибрирование мобильного телефона, лежащего в нарукавном кармане «горки». Достая свою старенькую «Нокию». На экране высвечивается абонент «ДЧ». Вообще, во время спецопераций дежурка нас старается не беспокоить. И если звонят – значит по действительно серьезному поводу. Беру трубку. А дальше остается только слушать.

А возле милицейской «Газели» страсти все накаляются. Тональность диалога между подполковником и Вовой повысилась, и теперь до меня долетают отдельные слова и обрывки фраз. Причем, если Вова в основном матерится, то со стороны полковника слышны звучащие приговором: «вопиющая некомпетентность», «преступная самонадеянность», «подставил под удар», «допустил потери»... Я не понял, он что, к самому себе обращается? Нет, похоже, он и впрямь решил попытаться выставить старшего прапорщика крайним. И что самое поганое, если он со «сладкой парочкой» из прокуратуры «вась-вась», а это скорее всего так и есть, то все вполне может получиться. Вернее – могло. Потому что слова, которые я сейчас слышу в трубке мобильного, здорово меняют всю ситуацию. Говорю дежурному, что я все понял, и быстрым шагом направляюсь к спорящим.

– Да ты что, мля, тормоз? Неужели не понимаешь, что будет, если они оттуда вырвутся?! – орет в лицо подполу осатаневший Володя. – Они ж за три минуты пятерых подготовленных вооруженных мужиков угробили! Да это кубло огнематами выжигать надо!!!

Но снова вошедшему в образ подполковнику слова подчиненного неинтересны. У него, как и у всех подобных идиотов, есть свое собственное (оно же единственно верное) мнение по любому поводу. Он оборачивается к стоящему рядом капитану.

– Прапорщик, видимо, не в себе. Заберите у него оружие, пока он дел не наворотил, и изолируйте. А вы, товарищ старший прапорщик, – эти слова он, этак брезгливо, почти выплевывает через нижнюю губу, – даже не надейтесь, что все это вам сойдет с рук. Ответите за все!

– Ах ты ж, сука!!!

Не знаю, каким из единоборств конкретно занимался Вова, но правый хук в челюсть у него поставлен великолепно. Антон, и тот не уследил. А подпол, потеряв свою шикарную фуражку, кувыркнулся в грязь. Судя по рывку Володи, он еще и несколько раз ногой хотел добавить, но тут уж не оплошал Антон. Он перехватил прапорщика буквально на лету и, оттащив в сторону, начал ему что-то втолковывать. Успокоить пытается, похоже. Из грязной лужи встает, держась обеими руками за челюсть, пошатывающийся подполковник.

– Он напал на старшего офицера! Вы все свидетели! Задержать его! Ты у меня на нарах сгниешь, сволочь!

Он, видимо, хотел добавить что-то еще, но не успел. Потому что ему в солнечное сплетение коротко, почти без замаха, но очень сильно врезается приклад моего автомата. Да, впервые после армии я пожалел, что в руках у меня именно АКС, а не старого образца АК-74. Увесистым, деревянным с металлическим затыльником, прикладом «весла» бить куда сподручнее! Хотя, при умении, можно и складной «рамкой» АКСа обойтись...

Из господина подполковника будто разом весь воздух откачали. С тихим скулежом он снова рухнул в ту же лужу, из которой только что встал, упал на бок и засучил ногами. Нет, ну до чего ж красиво получилось, а! Всю жизнь о подобной минуте мечтал. Не прошло, видно, еще время ужасных чудес!

– Захлопни пасть, погань, – спокойно, без эмоций говорю я ему, а потом обвожу взглядом толпу вокруг. – Только что до меня дозвонились из дежурной части нашего Отряда. Да, Антон, телефон лучше не совсем отключать, а в виброрежим переводить... Так вот, из Москвы ОЧЕНЬ хреновые новости. В вашу дежурку тоже наверняка вот-вот позвонят, а может уже отзвонились... То, что тут произошло, – я киваю на застывший на мониторе ноутбука, стоящего на капоте «пятнадцатой», стоп-кадр с взятыми крупным планом оскаленными мордами упырей, – происходит сейчас по всей столице. Причем происходит в массовом порядке. Это эпидемия. Источник заразы – не установлен, способы передачи от человека к человеку – устанавливаются. В Москве буквально только что введено чрезвычайное положение. О самой эпидемии уже сообщили в экстренных выпусках новостей по всем телеканалам и на радио. В город в ближайшие часы будут введены подразделения внутренних войск и армии: милиция сама не справляется. Из Министерства в ГУВД пришел четкий и однозначный приказ: уничтожать инфицированных любым доступным способом и не допускать их контакта с нормальными, не зараженными людьми. Нам же приказано как можно быстрее закругляться здесь и возвращаться на базу. Вопросы есть?

Вопросов, похоже, не было. То есть они, разумеется, появятся, но попозже. А пока, как говорится – «звезда в шоке»...

Я снова смотрю на монитор ноутбука, что-то там меня зацепило. Вот только что? Твою-то мать!!! Вот оно!!! Позади закрывающих почти весь экран оскаленных пастей и безумных мертвых глаз я замечаю у стены сильно обглоданное, но стоящее на ногах тело. И меня прошибает холодный пот: с тела ключьями свисают окровавленные обрывки сине-серого милицейского камуфляжа. Теперь все встает на свои места, словно кусочки головоломки. Вот и не верь после этого фильмам ужасов и детским страшилкам! Каждый, кого зомби грызли или просто покусали, сам становится таким же. Причем становится очень быстро. Буквально за несколько минут, как этот... как эта тварь, совсем недавно бывшая милиционером ивантеевской ГНР. Но если все так, то... Мля! Гена!!!

Резко разворачиваюсь, чтобы бежать вслед за «Скорой помощью», но обнаруживаю ее стоящей на прежнем месте. Правда, боковая дверь находится с противоположной стороны, и что творится в салоне – мне не видно. А вот миниатюрная врачиха стоит прямо у меня за спиной.

– Умер ваш мальчик, – грустно и растерянно говорит она. – Я просто не могу понять почему. Крови потерял не так уж много, учитывая обстоятельства, признаков шока не было. Он просто закрыл глаза и перестал дышать...

– Стойте тут, – говорю я ей и бросаюсь к «скорой».

Твою душу! Неужели опоздал?! Из-за «Газели» раздается протяжный истошный вопль. Кто-то кричит тоскливо и страшно, будто раненый заяц. Не слышали, как кричат зайцы? Ваше счастье! Они кричат, будто ты не в животное, а в маленького ребенка заряд дробин всадил. Я этот крик слышал только один раз, на своей первой и последней в жизни охоте.

На полной скорости выскакиваю из-за «скорой». Мля, приехали! Картина маслом: Гена спиной ко мне неподвижно замер возле боковой двери, водитель «скорой», сидя в грязи на заднице, отползает от него, отталкиваясь руками и ногами. Судя по прилипшей к нижней губе сигарете, он вылез из машины покурить. Повезло. А буквально в нескольких метрах стоит один из «прокурорских» и, выпучив от ужаса глаза, орет благим матом. И чего ты, здесь забыл, дебилушка? На труп зашел полюбоваться? М-да, а вот теперь труп тобою любит.

– Генка, не трогай его! На меня гляди!!! – Я уже понял, что того светловолосого парнишки, которого я на себе тащил к врачам, больше нет. Но выстрелить ему в затылок все равно не мог.

Гена, медленно оборачивается. Сомнений нет: в его жутких, будто затянутых белесой пленкой глазах уже не осталось ничего человеческого. Я поднимаю автомат, но прицелиться не успеваю, на газоотводную трубку ложится, пригибая ствол вниз, чья-то ладонь.

– Не стреляй, – тихо говорит мне Володя, – это мой подчиненный...

Упырь тихо заскулил и шатающейся походкой двинулся на нас. Володя с каменным лицом вскинул к плечу свою «ксюху» и почти в упор выстрелил ему в лоб. Фонтан крови выплеснулся у зомби из затылка, и его тело лицом вниз рухнуло нам под ноги.

– Последним патроном... – Вова отстегивает магазин от автомата и показывает мне пустую горловину. – Как чувствовал...

– Живой? – спрашиваю у ошалело таращащегося на труп «прокурорского».

– А... ва... ава... – бессвязно буровит тот, не отрывая перепуганного взгляда от трупа, а вниз по штанине его дорогих брюк стремительно растекается мокрое пятно. Тьфу, мля! Ладно, живой, и то хорошо.

– А ты как? – это я уже водителю «скорой». – Тебя не укусил?

– Не. – Водитель уже встал на ноги, но коленки его здорово потряхивает нервной дрожью, да и голос твердым не назовешь. – Нормально все. Я на улице стоял. Покурить хотел.

Вот и верь после этого в предупреждения Минздрава. Оно, конечно, может, и опасно для здоровья, но иногда может и жизнь спасти.

Возвращаемся к толпе возле милицейской «Газели». Подполковник тихонечко сидит на капоте «пятнашки» рядом с ноутбуком, в себя приходит. А вот Антон, похоже, уже перезвонил в дежурку, выяснил, что я не сошел с ума и дела обстоят именно так, как я и сказал, и развил кипучую деятельность.

– Значит так, сейчас вы трое, – он тычет пальцем в трех оперов, стоящих ближе всего к нему, – начинаете искать по двору стеклянные бутылки. Водочные, пивные, да хоть лимонадные. Нужно не меньше двух десятков. Вдоль забора прогуляйтесь, они там обычно кучами лежат.

Ага, точно. Видать, у всех алканов это вроде традиции – пустую стеклотару под забор сваливать, обычно за живой изгородью, что забор изнутри территории облагораживает. Пьют они просто там, чтоб не на виду. А тару прямо на «месте преступления» бросают. И скапливается там бутылок – видимо-невидимо.

– Ты, – Антоха кивает на того капитана, что чуть не арестовал Володю, – берешь пару человек на прикрытие и топаешь в дальнее крыло корпуса, там в прошлый наш приезд на первом этаже мебельная бригада трудилась, а сейчас – закрыто. Возьмете оттуда кусок обивочной ткани и какого-нито лака или олифы банку. Все, погнались, времени мало.

– Зачем это все? – спрашивает капитан.

– Зажигательную смесь будем делать. Про «коктейль Молотова», слышал? Вот, почти такой же. Внутри туда лезть – чистое самоубийство. А вот таких стекляшек в окна накидаем, и кирдык. Там же все полыхнет синим пламенем: деревяшки, тряпки... Гореть будет до утра.

– Еще одно, – громко говорю я, – искусанный упырями парень умер, а потом превратился в такую же мертвую мерзость, как и те, наверху. А значит, любой, кто даст себя укусить, очень

скоро умрет, а потом восстанет, чтоб жрать всех вокруг. Это понятно? Будьте предельно осторожны.

Кто-то из местных дозвонился в ивантеевское УВД и долго слушал последние новости, страшно при этом матерясь, а потом передал трубку грязному и сникшему подполу. Тот, похоже, попытался нас вломить своему начальнику, но не преуспел. Уж не знаю, что ему там сказали, но после окончания разговора он совсем поник и спрятался в «Газель». Прокурорские тоже куда-то звонили, а потом серыми (хотя нет, скорее уж черными) мышами скользнули в свой джип и укатили. Стираться, наверное. Как бы то ни было, все прониклись серьезностью положения и работали на совесть.

На наше счастье, больше нигде на территории фабрики оживших мертвецов не оказалось. Мебельный цех вскрыли, сбив навесной замок прикладом, а оперá насобирали по кустам вдоль забора целую батарею разной стеклотары. Намешали в бутылках найденную в мебельном олифу с бензином, слитым понемногу со всех машин, заткнули горлышки фитилями из грубой, похожей на мешковину ткани для обивки кресел и диванов изнутри. Потом дружно выставляли короткими очередями стекла и светомаскировочные фанерные заслонки в окнах. В нескольких чертовы деревяшки все же удержались, но и тех, что мы вскрыли, было вполне достаточно. И когда Антон приготовился кидать наши «напалмовые бомбы», вдруг внезапно «очнулся» тихо сидевший до этого подполковник:

– Вы хоть соображаете, во сколько обойдется ваша выходка? Там же имущества на сотни тысяч, да плюс стоимость самого здания...

– Мля, счет мне вышли! – ухмыляюсь я. – Ты что, совсем debil? У тебя тут в десяти – пятнадцати минутах ходьбы – две школы, четыре детских сада и две больницы – центральная городская и детская! И роддом! Ты представляешь, что будет, если вся эта стая вдруг из заводского корпуса выберется?! Тебе что, пальбы на всех углах, как в Москве, не хватает?! Короче, заглохни, пока я тебе не добавил.

А потом Антоха спокойно, словно на тренировке, метал бутылки с подожженными фитилями в окна. Юношеское увлечение толканием ядра даром не прошло, всего две бутылки не попали в оконные проемы и по кирпичной стене вниз потекли огненные ручьи. Остальные благополучно пролетели внутрь и уже через пару минут сквозь темные окна заблаговременно обесточенного нами корпуса стали видны яркие сполохи занимающегося пожара.

– Володя, – зовет Антон старшего прапорщика, – ты проследи за тем, чтоб тут группа для наблюдения осталась. Мало ли что. И пожарных, если вдруг приедут, не подпускайте. Корпус на отшибе стоит, пожар с него дальше не перекинется. А нам пора.

– Сделаю. Не глупый, все понимаю. Удачи, парни!

– И тебе тоже.

Жмем друг другу руки и расходимся. Я уже почти вошел в автобус, когда увидел все еще сидящих в будке-проходной охранников. Стоп! Была ведь одна мыслишка... Поворачиваю назад. Захожу в будку и подхожу к чеэрповцам:

– Короче, мужики, сами видите, что творится, поэтому давайте начистоту: что еще происходило ночью. До того, как под утро шум в корпусе поднялся?

Охранники неуверенно переглядываются. Им явно есть что сказать, но они не решаются. Наконец один, тот, что кричал мне код входной двери, собирается с духом:

– Здесь Юра Пак был. Он каждый вечер на своей «буханке» десяток вьетнамцев куда-то увозит, а потом к утру возвращает. Куда, мы не знаем. Вроде в Москву куда-то. Какой-то шахер-махер у него там, что ли... А тут вернулся назад раньше чем обычно. Одного узкоглазого они чуть не волоком тащили, ему плохо было. Он у нас тут прямо на проходной блеванул, меня еще Степаныч... ну... – охраннику явно не по себе оттого, что старшего смены, о котором он мне рассказывает, уже нет в живых. – В общем, я потом тут полы мыл.

– Это понятно, а что за Юра и куда он делся?

– Ну, Юра, он... Он как бы бригадир у вьетнамцев. Продукты им привозит, ткани и все остальное. Товар готовый увозит.

– Хозяин, что ли?

– Нет, хозяин человек серьезный, а Юра, он так...

– Ясно, «шестерка» хозяйская. Так и что с ним стало?

– Да ничего. Узкоплечных отвел, двери закрыл, нам ключи сдал и домой поехал. А может – бухать. Он до этого дела любитель... А где-то через час вьеты бузить начали. Но мы внимания не обратили, у них там иногда бывало...

– А когда он уходил, ничего подозрительного не заметили?

– Нет вроде. Нормальный был, даже поржал немного, мол, ни фига вьетнамцы пить не умеют. Стопку водки тяпнут и травятся так, что ходить потом не могут.

М-да, одним словом ясно, что ничего не понятно... Юра Пак, значит... Ладно... Я вышел из караулки и пошел к автобусу. А за моей спиной все ярче разгорался пожар и рвались в небо из окон языки пламени.

Интермедия первая. Юра Пак

Если бы лет двадцать назад кто-нибудь обозвал Юру Пака бандитом, он бы не обиделся. Скорее наоборот, с гордым видом подтвердил бы правоту обозвавшего. Потому что был Юра Пак не кем-нибудь, а доверенным лицом, можно сказать, «ординарцем для особых поручений» у самого Пети Жмыха, державшего под собой всю Ивантеевку. Да вот беда – не было таких. Как Юра ни старался, как ни культивировал образ крутого и безбашенного парня, ничего у него не выходило. Не помогало частое посещение спортзала: генетика была у наполовину корейца Юры не та, был он крепким, но маленьким и тощим. Не мог поправить дело «реальный пацанячий прикид»: вся эта спортивно-кожаная амуниция и толстенные золотые цепи, так ладно сидевшие на прочих жмыховских быках, висела на Юре, как на вешалке. И даже крутая тачка не могла поправить ситуацию: в своем черном «Гранд Чероки» Юра выглядел школьником-старшеклассником, забравшимся порулить в папину машину. Вот так вот не повезло в жизни человеку!

Тогда, в лихие девяностые, многие удивлялись: что, собственно говоря, делает этот мелкий кореец среди здоровенных, будто бульдозеры, жмыховских бойцов. А ответ был прост – Юра, хоть и не обладал бычьим здоровьем, не имел пудовых кулаков, наглой рожи кирпичом и роста был невеликого, отличался недюжинным умом и подвешенным языком. Да, Юра не умел запугивать до икоты взглядом и проламывать головы легким взмахом руки. Зато он мог договориться с кем угодно и о чем угодно. И именно за это его ценил Жмых.

Девяностые давно ушли в прошлое. Крутой парень Петя Жмых как-то незаметно превратился в Петра Сергеевича Жмыхова, преуспевающего бизнесмена, уважаемого члена общества, щедрого мецената и благотворителя. Большая часть крутых до умопомрачения парней из жмыховской бригады навеки «прописалась» под красивыми гранитными монументами на кладбище. А вот маленький и юркий Пак по-прежнему был жив и здоров и по-прежнему занимал при Жмыхове все ту же «должность». Правда, теперь, услышь Юра, что его назвали бандитом, он был бы искренне возмущен до глубины души. Какой же он бандит? Он – честный предприниматель! У него швейный цех, чуть не половину Черкизовского рынка товаром снабжающий!

А то, что у «честного предпринимателя» в фабричном корпусе на улице Дзержинского около пятисот нелегальных эмигрантов трудятся, так о том и не знает никто. Вернее, кое-кто знает, но с этими господами из мэрии, налоговой и городского УВД Юра уже давно обо всем договорился и все проплатил. Вон, участковый местный, так тот вообще каждый месяц к нему ходит, словно в бухгалтерию – за второй зарплатой. Затратно, конечно. Но есть и плюсы. Не успеет какой-нибудь ОБЭП или ФМС при поддержке «гоблинов» из ОМОНа задумать облаву в

Юриных владениях, как кто-то из «доброжелателей» ему уже любезно на мобильный звонит... И застаёт облава только пустые цеха. Хотя бывают и накладки. Совсем недавно миграционка и ОМОН, с согласия Главка, устроили рейд, не поставив в известность местное УВД. Некрасиво, помнится, получилось: «гоблины» повязали в цехах фабрики полтысячи не имеющих никаких документов вьетнамских гастарбайтеров. Скандал был серьезный, история даже по центральным телеканалам в новостях промелькнула. Жмыхов был очень недоволен и даже пообещал собственноручно оторвать Юре голову, если тот все не уладит, а неприятности доберутся до самого Петра Сергеевича. Но – обошлось. Шустрый и толковый Пак выкрутился: отнес кому надо пухлые конверты с вечнозеленым шуршащим содержимым, и дело как-то само по себе заглохло. А уже через пару недель на втором этаже фабрики опять бурлила жизнь. Правда, без последствий все равно не обошлось. Раздосадованный финансовыми потерями, вызванными двухнедельным простоем, Жмыхов отлучил Пака от небольшого продовольственного рынка и пары мини-супермаркетов, с которых тот кормился. Лишенный финансовой подпитки Юра, уже привыкший жить, не сильно себя ограничивая, приуныл. Босс – человек, что называется, не злопамятный, но злой и с хорошей памятью. Когда теперь окончательно косяк простит – бог весть. Похоже, придется затянуть пояс. От «швейки» не турнули, и то хорошо.

Разумеется, Юра Пак не был настоящим владельцем швейного цеха. На самом деле все принадлежало Жмыхову, а Юра был всего-навсего ширмой, зиц-председателем Фунтом, нужным лишь для того, чтобы никто не смог связать «мутный» цех и работников-нелегалов с кристально честной фигурой Петра Сергеевича. А Пак присматривал за тем, чтобы производство исправно работало и приносило прибыль, и получал за это вполне приличные, но отнюдь не поражающие воображение деньги. Но хитрый кореец не был бы собой, если бы и тут не занял свой гешефт. Нет, ничего криминального! Юра, несмотря на свою «профессию», умудрился остаться вполне приличным человеком. Он никогда не воровал деньги, выделяемые на продукты для рабочих, не сдавал более-менее симпатичных вьетнамок «в аренду» сутенерам. Он просто договорился с начальницей одного из московских жэков и «трудоустроил» туда на должности дворников десяток мертвых душ. Всю работу выполняли вьетнамцы, которых по ночам Юра на своем разъездном уазике-«буханке» отвозил в Москву, а утром возвращал назад. Он и жэковская дама по-братски делили выделяемые на зарплату дворникам деньги, а вьетнамцы, которым до чертиков надоело сидеть в четырех стенах, сами рвались в Юрину бригаду, чтоб хоть по ночам вволю подышать свежим воздухом и побродить по улице, пусть даже и с метлой или лопатой в руках. Был и еще один стимул: Пак действительно не был плохим человеком, он каждый раз покупал водки и какой-нибудь нехитрой закуски, которые выдавал вьетнамцам на обратном пути как премию за хорошую работу. И все были довольны. Дело постепенно пошло настолько хорошо, что Юра уже начал подумывать о расширении «бизнеса».

Вечер 19 марта никак не отличался от остальных. Как и всегда, едва начало смеркаться, Юра подогнал свою выдавшую виды разъездную «буханку» к проходной фабрики. Поздоровался за руку с вышедшим из будки-дежурки старшим смены Степанычем, пожилым рассудительным мужиком, бывшим военным. Угостил его сигаретой. Махнул рукой двум его напарникам и подчиненным, сидящим в будке, а они сквозь большое окно помахали ему в ответ. Взяв ключи от двери на этаже, подогнал «буханку» вплотную к зданию: нечего лишний раз перед прохожими светиться. Хоть и нет вроде никого вокруг, но, как говорится: меньше видят – меньше бредят. Бригада «зайцев», как ласково звал своих работников Юра, уже была собрана и ждала, построившись в шеренгу, прямо у входа в цех. Нет, все-таки великая вещь – дисциплина! Вон как ихний Мао народ застроил... Или Мао не во Вьетнаме? Точно! Мао в Китае, а у «зайцев» – Хо Ши Мин. Хотя какая разница? Что там, что там – не люди, а просто термиты какие-то. Коллективный, блин, разум. Но работяги отменные, что и говорить.

Загрузив вьетнамцев в тесноватое нутро уазика, Пак не спеша двинул в сторону Москвы. Да уж, не слишком комфортно им там, конечно, но зато и внимания тех же «гаеров»²¹ пожилая в меру грязная «буханка» армейского образца без окон не привлекала. А вот будь у него какой-нибудь «Форд Транзит» или «Фольксваген Транспортер» с тонированными стеклами – замаялся бы тормозить и доказывать, что он не путан на точку везет. А принимая во внимание, кто у него в салоне сидит, так уже все равно будет. За нелегалов ошкурят не хуже, чем за проституток. Хотя все равно вскоре придется брать машину покрупнее, если все-таки выйдет задумка с расширением «бизнеса». А там все почти на мази. Ладно, как сказала та симпатичная актриса из старого американского кино: «Об этом я подумаю завтра».

До места назначения добрались без происшествий. Остановив УАЗ возле небольшого скверика перед тем самым жэком, Юра выгрузил свою «бригаду-ух!», открыл своим ключом прилепившуюся к стене дома будку с инвентарем, в которой кроме лопат-метел хранились еще и оранжевые жилеты дворников. Необходимая штука! Потому как не трогают милиционеры людей даже самой неславянской наружности, если те заняты созидательным трудом и обряжены при этом в ярко-оранжевую жилетку или спецовку со светоотражающими полосами и надписью «Муниципальный округ такой-то, жэк номер №»... Народная примета, блин.

Экипировав и «вооружив» уборочным инвентарем свой «личный состав», Юра быстро провел экспресс-инструктаж из серии «далеко не уходи, если милиция подойдет – не беги, а сразу мне звони» через своего «штатного толмача». Сам Пак вьетнамского не знал, а «зайцы» не говорили по-русски. Толмач же когда-то учился в «Лумумбарии»²², где неплохо выучил русский. Звали его Бам Ван Донг, но Пак, чтобы не ломать себе язык, «перекрестил» его в Ваню. Ваня-Ван Донг не возражал. Он не знал старую русскую поговорку «Хоть горшком назови, только в печку не ставь», но интуитивно был с такой постановкой вопроса согласен.

Оставив Ваню Донга за старшего, Юра отправился домой спать. Правда, по дороге надо было сделать еще одно небольшое дельце: закупить «допнаек» для «зайцев». Эх, блин, еще три-четыре месяца назад достаточно было бы заехать на «подшефный» рынок, и тамошние торгаши все необходимое предоставили бы бесплатно. Но Жмыхов еще не остыл, а потому приходится за все платить своими, кровными. В принципе, сделать это можно и поутру, но много ли работающих магазинов в семь часов утра? Проще сейчас. Притормозил у первого же попавшегося на пути мини-маркета, улыбаясь, немного полюбезничал с симпатичной молодой продавщицей, взял две литровых бутылки дешевой водки, пару банок маринованных огурчиков, хлеба и несколько упаковок самой простенькой колбасной нарезки. Все, программа-максимум на вечер выполнена, пора домой, баиньки.

А вот баиньки как раз и не получилось... В половине пятого утра, на полтора часа раньше будильника, запиликал на тумбочке мобильник. Юра со стоном протянул руку, подхватил уже готовую свалиться с лакированной столешницы вибрирующую трубку и поднес ее к уху. Спать резко расхотелось: Ваня Донг, отчаянно путая русский с вьетнамским, испуганной скороговоркой лепетал, что дела плохи. По его словам выходило, что примерно через час после того, как Пак уехал домой, в нескольких кварталах от жэка что-то сильно грохнуло. Донг уверен, что это был взрыв. Но рвануло далеко, и он решил, что их происшедшее не касается. А вот несколько минут назад буквально в соседнем переулке два милиционера застрелили какого-то мужчину. С чего все началось, Донг не видел, он, привлеченный шумом и криками, выглянул из-за угла в тот момент, когда один из милиционеров стрелял в лежащего на земле мужика из пистолета. Причем стрелял несколько раз. Теперь вся бригада сидит в скверике возле жэка, и очень просит Юру приехать за ними как можно быстрее.

²¹ «Гаеры» – сотрудники ГИБДД.

²² «Лумумбарий» – Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Пак громко выругался, быстро, будто в армии по команде «сорок пять секунд – подъем!», оделся и выскочил на улицу. До самой Москвы «буханка» летела стрелой, ревя движком так, будто собиралась взлететь. Каким чудом Юре удалось избежать встречи с доблестными инспекторами ГИБДД, он и сам толком не понял. Но факт остается фактом, доехать удалось быстро и без проблем. Перепуганные «зайцы», сбившись в кучку, ждали его возле жэковской бытовки. Пак загнал вьетнамцев в узик, быстро убрал метелки-лопаты и прочее в будку и, усевшись на водительское сиденье, оглянулся на сидевшую тихо, будто мыши, бригаду.

– Ну, чего притихли? Молодцы, все сделали правильно!

С этими словами он передал Ване Донгу пакет с водкой и закуской и вскрытую упаковку одноразовых стаканчиков:

– Угощайтесь, заработали!

Донг полушепотом перевел «зайцам» сказанное Юрой. На узкоглазых лицах стали проступать несмелые улыбки: босс не сердится и даже про угощение не забыл, значит, все в порядке. И только тут Юра заметил, что у одного из вьетнамцев правая щека немного испачкана чем-то, похожим на размазанную кровь.

– Что с ним? – спросил он у Донга.

Тот повернулся к испачканному, и они несколько секунд обменивались непривычными уху русскоязычного, несмотря на фамилию, Пака чирикающими фразами. Потом Донг снова обернулся к Юре:

– Нициво. Говорит – крыса покусала. Из мусарнава бака вылезла и покусала. Савсем не больна, говорит.

– Ясно. Так, ему, как пострадавшему, водки – двойную порцию. Для дезинфекции!

Донг снова зачирикал, а укушенный заметно повеселел. С тем и поехали назад в Ивантеевку. Труп в переулке уже не было, зато выезд на Автопроездную улицу, по которой Юра спокойно проехал вчера вечером, сейчас был перекрыт помаргивающей проблесковыми маяками машиной ДПС. Пришлось ехать в объезд, вокруг парка. Хотя спешить теперь уже особо нечего. А чего уж там у ментов приключилось, Паку было глубоко плевать, пусть сами о своих проблемах думают.

В Ивантеевке они были уже к шести часам утра, но въехать на машине на территорию фабрики не получилось. Что-то там опять случилось с электромотором, открывающим ворота. Вечно его коротит и как всегда – не вовремя! Пора уже заменить. Остановив «буханку» перед проходной, Юра вылез из машины сам и велел выбираться вьетнамцам. Укушенного совсем развезло с двух стаканов водки: он с трудом передвигал ногами и шел только благодаря Ване Донгу, который придерживал его под локоть. Проходя через «вертушку», он вдруг остановился и, несколько раз судорожно икнув, рыгнул прямо себе под ноги. Прощебетав что-то, видимо извинения, слабым голосом он, по-прежнему поддерживаемый Донгом, поплелся к дверям заводского корпуса. Пак, взяв ключи, пошел следом.

Уже на втором этаже, перед открытой дверью, он дал Ване последние указания:

– Этого уложите спать, завтра, пока в себя не придет – не трогайте. Если вдруг ему плохо станет – звони мне, привезу доктора. А то крыса – зверь такой... Мало ли какой заразой наградит...

Закрыв вьетнамцев, Юра пошел назад к машине. В узеньком коридорчике возле «вертушки» уже елозил шваброй по полу один из подчиненных Степаныча.

– Что, ПХД²³ у вас? – беззлобно усмехнулся Пак.

– Да ну тебя! – отмахнулся охранник. – Надо было этого твоего «узкопленочного» убирать за собою заставить!

²³ ПХД – парко-хозяйственный день. В армии в этот день (обычно ПХД объявляется по субботам) солдаты проводят генеральную уборку всех помещений и территории войсковой части.

– Да ладно тебе, сам видел, хреново ему. Азиаты, блин, ни фи́га пить не умеют! И тяпнул-то два стакана, а накрыло так, как нашего русского с литрухи не накроет.

– Это ты, что ль, русский? – хихикнул вдруг охранник, оставив швабру.

– Но-но! – шутливо погрозил ему пальцем Юра. – Это что за фашистские и ксенофобские высказывания? Где твой интернационализм, юноша?

Уже выходя из дежурки, он услышал, как охранник со смехом сообщил ему в спину точный адрес, по которому проживает его интернационализм. Старый, всем русским хорошо известный адрес, так хорошо рифмующийся с вопросом «Где?». Все еще улыбаясь, Юра повернул ключ в замке зажигания, прикидывая, куда бы отправиться после завтрака – в сауну или по девкам, благо, пара знакомых сутенеров имелась. Совмещать эти виды досуга он не любил, будучи твердо уверенным, что в бане с девушками не получится толком получить удовольствие ни от первого, ни от второго. Прикинув все «за» и «против», Пак остановился на бане, и «буханка» бодро покатила к его дому.

Юра даже в кошмарном сне не мог себе представить, что ровно через тридцать две минуты после его отъезда укушенный крысой вьетнамец перестанет дышать. А еще через четыре минуты его мертвое тело встанет с кровати и молча вгрызется зубами в горло спокойно спящего по соседству Вани Донга...

А к вечеру Юре стало плохо. Все-таки правы были люди, говорившие ему когда-то, что пить водку в бане – нехорошо. Слишком сильная нагрузка на сердце. Раньше он на подобные разговоры внимания не обращал, а вот теперь понял, что все может быть вполне серьезно: его сердце будто кто-то в кулаке стиснул... А при каждой попытке вдохнуть полной грудью в него словно длинная игла вонзается. Ох, мама, хреново-то как! Что делать? «Скорую» вызвать? Да ну их к чертовой бабушке! Пока доедут – сто раз очоуришься. О! На первом этаже соседнего дома – травмпункт. Уж там-то не откажут в помощи! Как же все-таки хорошо, что отсыпаться он остался в Ивантеевке, на одной из нескольких «конспиративных квартир», оставшихся в собственности Петра Сергеевича Жмыхова еще с тех пор, когда он был просто Петей Жмыхом. Если б укатил к себе, в недавно отстроенный в дачном поселке «Полянка» двухэтажный домик, могло бы быть куда хуже, там врачей поблизости нету.

В «травме» было на удивление многолюдно. Помимо нескольких вечных «завсегдатаев» любого лечебного заведения – старушек разной степени дряхлости, готовых симулировать любое заболевание, лишь бы получить возможность хоть кому-то пожаловаться на невежливую современную молодежь, на бестолковое правительство и вообще на общую неустроенность жизни, в коридоре сидело довольно много народа. Человек пятнадцать ютились на неудобных пластиковых стульчиках вдоль стен. Были они разного возраста и пола, но объединяло их всех одно: на каждом белели свежие повязки, по большей части на руках. И глаза были какие-то испуганные, что ли. Что это с ними? Хотя, какая на фиг разница! Тут самому бы копыта не отбросить. Юра заглянул в открытую дверь одного из кабинетов, в котором что-то несусветное буровил крепко пьяный мужик, с залитой кровью рубашкой и разбитым лицом, которому мощный врач-кавказец с ломаными ушами и немного оплывшей фигурой бросившего спорт борца-вольника пытался вправить сломанный нос.

– Что у вас? – спросила Пака молоденькая и очень миловидная медсестра, обернувшись на его тихое покашливание.

– Сердце прихватило! – почти прошептал он, пытаясь не вдыхать слишком глубоко.

– Пили?

Юра в ответ понуро кивнул. Медсестра неодобрительно нахмурила брови и покачала головой, всем своим видом говоря что-то вроде: «Вот только еще одного алкаша нам и не хватает для полного счастья!» Однако встала и провела его в соседний кабинет, усадила на стул. Достала из шкафчика тонометр и, сноровисто натянув Юре на руку синюю эластичную ман-

жету, померила давление. Судя по изменившемуся с недовольного на участливое выражение лица, показания круглого циферблата ей не понравились.

– На кушеточку прилягте. Я сейчас укольчик вам сделаю.

Он послушно лег на кушетку.

– А что это у вас тут за аншлаг такой?

– Ой, и не говорите, – всплеснула руками медсестра, вынимая из стеклянного шкафчика какие-то ампулы и одноразовый шприц в прозрачной упаковке. – Страшное дело! На Ярославском шоссе рейсовый автобус перевернулся. Один из этих московских психов как-то оказался в салоне и на водителя напал.

Тут медсестра, закрыв стеклянную дверцу, обернувшись и поймав непонимающий Юрин взгляд, удивленно округлила и без того большие голубые глаза:

– Вы что, телевизор совсем не смотрели сегодня?

Юре было тяжело не то что говорить, но даже глубоко дышать, он просто отрицательно покачал головой, легонько постучал себя указательным пальцем по шее в районе правой гланды и виновато развел руками.

– Ну вы даете! – Медсестре, похоже, прямо не терпелось поделиться свежими новостями хоть с кем-нибудь. – Уже полдня о них по телевизору передают. Неясно, может, они наркоманы, а может, секта какая вроде сатанистов. Или просто сумасшедшие, но это вряд ли – слишком их много. Нападают на людей прямо на улицах. Кусаются, пытаются загрызть. Вроде милиционеры в них даже стреляли. Уж не знаю, убили или нет, но по «ящику» сказали – есть жертвы.

Несмотря на некоторую излишнюю разговорчивость, дело свое голубоглазая медсестричка знала хорошо. Продолжая щебетать о том, как проникший в автобус «псих» напал на водителя и чуть не загрыз того насмерть, а потом, уже после аварии, кинулся на остальных пассажиров, она сноровисто и совершенно не больно вколола ему сразу два укола.

– Так вот, его потом милиционеры в наручники заковали и увезли. Всех «тяжелых» в горбольницу отправили, а тех, кого он просто покусал, – к нам, мы ближе всех оказались. Вот и возимся сейчас с ними: перевязка, противостолбнячная сыворотка... Ладушки, вроде все. Скоро подействует и вам сразу легче станет. Вот только со спиртным вам, наверно, пора заканчивать. Не доведет оно вас до добра. Так, давайте теперь с бумажками разберемся. Паспорт и полис, надеюсь, с собой?

Юра утвердительно мотнул головой и полез во внутренний карман куртки за документами. Однако достать их не успел. Дверь в кабинет распахнулась, и стоящая на пороге пожилая полная тетка в медицинском халате, на лице которой прямо-таки читалась, будто на двери кабинета, надпись «Старшая медицинская сестра», почти рывкнула:

– Светка, а ну бегом за мной! Там покусанным совсем плохо!

Голубоглазая Света пулей вылетела из кабинета, успев, правда, протараторить:

– Вы пока тут посидите, а там или я освобожусь и все оформлю, или, как вам полегче станет, кого-нибудь свободного из персонала найдете.

Симпатичная медсестра ускользнула на помощь искусанным «московским психом», которым так внезапно поплохело. Интересно, а что такого страшного может внезапно приключиться с тем, кого искусал сумасшедший? Или наркоман? В любом случае, не бродячая собака и не помойная крыса ведь. Ни чумой, ни столбняком заразить не должен. Хотя кто его знает... Юриных, мягко говоря, скромных познаний в медицине тут явно не хватало. Да и фиг с ним, они медики, они точно знают, что делать. А он еще чуть-чуть тут посидит, потом оформит все бумажки, причем дождетя, пока освободится Света. А по ходу попробует к ней еще и «клинья подбить». А чего? Молоденькая, хорошенькая, общительная. Кольца на безымянном пальце, опять же, не наблюдается. Он вроде тоже далеко не Квазимодо и при деньгах. Пригласить в ресторан, то-сё. И повод выдумывать не нужно. Подпустить проникновенности в голос: мол, ты, красавица, мне жизнь спасла в самом прямом смысле. И теперь я просто обязан, так ска-

зять, в знак моей глубочайшей признательности... А что? Вполне может прокатить! Вот только в себя нужно прийти немного. А то в таком состоянии не в ресторан с красивой девушкой, а до кладбища шкандыбать мелкими шажочками. И с водкой, похоже, действительно завязывать пора, права голубоглазая Света. В этот раз доковылял до «травмы», а в следующий что будет? Лежать на полу в собственном доме и «скорую» ждать, которая если и приедет, то часа через два? И это в лучшем случае, если до трубки телефонной дотянуться силенок хватит. А если нет? Нет, ну ее на фиг, такую «заманчивую» перспективу!

Через несколько минут Юра и впрямь почувствовал облегчение, не обманула медсестричка. И колющая боль поутихла, и дышать можно уже почти полной грудью, не опасаясь потерять сознание при слишком уж глубоком вдохе. Что-то задерживается голубоглазая. За это время можно было тех поплохевших не то что на ноги поставить, но еще и до дому проводить. Пешим ходом. Так, не понял, а это что за фигня?

В коридоре кто-то вдруг завопил дурным голосом, вопль тут же на разные лады был подхвачен сразу несколькими глотками, судя по тональности и тембру – бабули-симулянтки визжали, а потом началась какая-то суета и беготня. Твою маман, да что ж у них там происходит-то?! А это бешенство, часом, не заразное? А то начнут сейчас граждане кусаться, а потом ходить, прививки болючие колоть целый месяц... Юра осторожно приоткрыл дверь и выглянул в коридор. И в ужасе замер, широко раскрыв глаза.

Нервы у него всегда были крепкими, да и повидать в лихие девяностые ему пришлось всякого: и на «разборки» выезжать приходилось, и труп в лесополосе однажды прикапывать довелось. Так что испугать Юру Пака – это надо было еще постараться. Но то, что он увидел сейчас в коридоре, напугало его до ватной слабости в коленях и холодного пота, враз выступившего на лбу. Первое, что бросилось в глаза, – это какой-то невзрачный мужичок, в недорогом костюме под расстегнутой синтепоновой курткой, который на залитом кровью полу жрал давешнюю старшую медсестру. Жрал в самом прямом смысле этого слова, тряся, словно собака, головой и вырывая крупные куски плоти из шеи уже переставшей трепыхаться женщины. Мало того, он такой в коридоре был не один. Все сидевшие в коридоре жертвы «московского психа», которых Юра видел, входя в травмпункт, теперь уже мало походили на приличных и слегка испуганных пациентов. Больше всего они сейчас были похожи на персонажей какого-нибудь дешевенького ужастика. Перемазанные кровью чуть ли не с головы до пят, они увлеченно обгрызали лица и руки бабушек, не успевших убежать от внезапно взбесившихся соседей. Пака от этой жуткой и мерзкой картины чуть не вывернуло. Господи, да что же это с ними!?

Правда, каннибальской трапезой заняты были не все. Один – крепкий на вид парень лет примерно двадцати пяти, с забинтованными ладонями, неспешной и какой-то неуверенной, качающейся походкой, словно он был сильно пьян, преследовал голубоглазую Свету. Та, похоже, собиралась было бежать, да то ли споткнулась обо что-то, то ли ногу подвернула, и теперь ползла по коридору, отталкиваясь локтями от скользкой кафельной плитки. Именно эта картина и вывела Юру из ступора. Псих ты там, родной, или не псих, а вот девушка эта уже занята! Так что грабки свои от нее убрал на хрен!!!

Пак, будто катапультной подброшенный, вклинился между девушкой и этим тормозным шизиком.

– Э, слышь, пацанчик, а ну, отвали! Че не ясно-то?!

Покусанный шизик на грозный окрик Пака внимания не обратил, даже с шага не сбился. Зато поднял на Юру взгляд. Ой, мля, да он, похоже, вообще на всю голову стебанутый! Ну не может у нормального человека такого жуткого взгляда быть. И когда успел-то? Ведь еще двадцать минут назад сидел в креслице у стенки, как пай-мальчик, руки свои искусанные баюкал. А теперь прет, как на буфет, и слов человеческих не понимает. Ну, тогда и не обижайся!

Пак всегда был парнем некрупным, можно даже сказать, худощавым. Именно поэтому, понимая, что массой и силой он в драке взять не сможет, Юра ставил себе технику удара.

Челюсть и у здоровенных, и у мелких ломается с одинаковой легкостью, нужно только уметь ударить. Вот маленький и худосочный кореец и учился.

Удар получился на загляденье, тренер мог бы Юрой гордиться, хрустнуло громко и отчетливо. Подбородок наступающего на Пака психа прямо-таки съехал влево, отчего вся его физиономия здорово перекосилась. Вот только псих на это совершенно не отреагировал, хотя как минимум должен был в глубокий нокаут отправиться. А вместо этого лишь слегка пошатнулся, мотнул головой и, едва слышно захрипев, попытался ухватить корейца за свитер. Твою мать, да что с тобой такое, мужик?! После таких ударов нормальные люди в себя уже в больничной палате приходят!

Зато вот для самого Юры «рукомашество» даром не прошло: в грудь снова словно острую спицу вогнали, аж в глазах потемнело. Да, блин, боец из него сейчас явно никакой. Вот так вот еще пару раз кулаками махнешь – и в обморок брякнешься. На радость этим чокнутым людоедам. Очухаешься – а тебе уже голову откусили. Да ну их к черту, такие расклады! Когти рвать нужно, причем чем быстрее, тем лучше. А до входа не добраться, возле дверей вся эта шизанутая свора пирует. Он подхватил под локоть начавшую подниматься с пола Свету и потащил ее за собой по коридору, прочь от рвущих зубами неподвижные тела сумасшедших людоедов и снова пошедшего в наступление безумца, который, чего уж греха таить, точно догнал и растерзал бы обоих. Спасла их чистая случайность в лице травматолога-кавказца, того самого, что вправлял нос пьяному мужику. С громовым рыком он вышвырнул прямо сквозь закрытую дверь своего кабинета какого-то субтильного подростка с забинтованной ногой. Тот, словно кеглю, сшиб наседавшего на Юру и Свету крепыша и, хорошенько приложившись об стену и рухнув на пол, начал подниматься на четвереньки. А вот сшибленному с ног здоровячку не повезло: он со смачным треском приложился затылком об пол и замер. Правда, крови из его головы вытекло как-то уж совсем мало, но Паку было не до таких подробностей. Здоровяк-врач сграбастал их обоих и буквально затащил в тот самый кабинет, из которого Пак только что выбрался в коридор.

– Шени деда шевеци!²⁴ – судя по интонации, явно выругался сквозь зубы он, хлопнув входную дверь и щелкнув замком. – Тут пока посидим, да! Света, перевязаться мне помоги, а.

Только сейчас Юра заметил здоровенную, сильно кровоточащую рану на левой скуле врача, словно кто-то вгрызся ему в лицо. Хотя, почему «словно»? Скорее всего, так оно и было. И сделал это, судя по всему, тот самый малолетний задохлик, что летал только что по коридору. Да что ж такое тут творится-то?!

– Реваз Анзоревич, – чуть не плача, Света вцепилась во врача, – да что же это такое?

Снаружи несколько раз громко бухнуло, словно кто-то врезался в запертую дверь и несколько раз ударил по ней кулаками. «Как же хорошо, что двери тут старые, деревянные, – мелькнула мысль в голове Пака. – Были б из этого новомодного пластика – и пары ударов не перенесли бы».

– Что такое, что такое? – скривился от боли врач, вытерев струящуюся по щеке и шее кровь рукавом еще совсем недавно белоснежного халата. – Это, похоже, звиздец всему, Светик... Перевязаться помоги, говорю.

– В каком смысле «звиздец»? – переспросил кавказца Юра, пока медсестра, достав из шкафчика перекись водорода, тампоны и бинт, возилась с его раной.

– В самом прямом, – врач снова, на этот раз уже по-русски, тихо выругался сквозь зубы, когда перекись зашипела и густо вспенилась, соприкоснувшись с кровью в ране на лице. – Ты новости сегодня вообще не смотрел?

– Да не глядел я сегодня телевизор, – не очень вежливо огрызнулся Пак. – Но про шизиков этих меня Светлана просветила уже.

²⁴ Шени деда шевеци – грубое ругательство на грузинском языке.

– Шизиков? – Кавказец зло ухмыльнулся. – Слушай, дорогой, ты у этих «шизиков» пульс проверял?

– Нет, – развел руками Юра. – Извини, как-то времени на это не нашлось.

– Зато у меня нашлось. Тому пацану, что меня обгрыз, я лично искусственное дыхание делать пытался. Мертвый он был.

– В каком смысле? – как-то придушенно пискнула Света.

– В самом прямом, родная. Как бревно мертвый. Дыхания нет, пульса нет, зрачки на свет не реагируют. Ты признаки смерти уже позабыла, что ли? Так что, думаю, остальные – такие же.

– погоди, ара... Так они же ходят, – пораженно выдохнул Пак.

– Сам ты «ара». Грузин я, так что в самом крайнем случае – «батано». Но лучше – Реваз Анзорович, хотя можно просто по имени. А вообще – да, ходят, а еще – кушают. Причем нас кушают, – согласно кивнул врач.

– Зашибись! У нас тут что, фильм ужасов, что ли? «Рассвет мертвецов», мля?! – Юра рухнул на кушетку, обхватив голову руками. – Не верю! Это все неправда! Это, мля, все мой пьяный бред!!! Я сейчас проснусь!!!

– С истерикой завязывай, – тихо и спокойно оборвал его врач. – Перед девушкой-то не стыдно?

Это подействовало. Действительно, выглядеть истеричным невротиком в глазах Светы совсем не хотелось. Не самый лучший имидж для знакомства. Юра постарался взять себя в руки.

– И как такое, по-твоему, возможно? – спросил он у Реваза.

– А я знаю? – по-еврейски, вопросом на вопрос, ответил тот. – Я, блин, травматолог, а не вирусолог.

– Думаете, вирусное? – подала голос молчавшая Света.

– Похоже на то, – кивнул головой грузин. – Очень похоже. Покусали, заразили, заболел, очень быстро помер, встал, сам кусаться пошел. Скорее всего какой-нибудь боевой штамм у вояк в побег ушел.

– Так ведь нельзя же вирусное оружие разрабатывать. Запрещено оно, – Света забавно наморщила лоб.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Реваз. – У нас очень много чего нельзя, но один черт делают. Вот, похоже, и наделали на свою голову.

– А при чем тут «звиздец всему» и новости по «ящику»? – вернулся к первоначальной теме Юра.

– А при том, – наставительно поднял палец врач, – что эта ерунда в Москве, считай, с самого утра творится. И об этом пусть и коротенько, но по всем телеканалам уже рассказали, и не раз. А вот о том, что эти уроды – мертвые, не сказали ни разу. И об их заразности – молчат. А значит, кусающихся мертвяков вяжут, и тянут в ментовку, а покусанных – в больницы. И так уже целый день...

– Едрит твою мать! – До Юры вдруг внезапно начли доходить масштабы происходящего. – Да ведь в московских больницах сейчас, наверное, настоящие рассадники всего этого.

– Угу, – угрюмо кивнул Реваз. – И в отделах милиции – ничуть не лучше. А ведь именно милиция, по идее, порядок поддерживать и граждан защищать должна.

– Ой, да ладно, дождешься от них, защитничков... – привычно отмахнулся Юра, но потом вдруг сообразил, что конкретно в этом случае грузин, похоже, прав.

У ментов и оружие, и транспорт, и связь. А главное – организованность и многочисленность. Вполне смогут ситуацию под контролем удержать. Если их не сожрут раньше. А вот если сожрут – тогда и гражданам амбец приснится. Не всем, конечно, но большинству – точно.

– Стоп, погоди! Так если укусили – заразился, то выходит, что ты... – Юра выразительно посмотрел на уже пропитавшуюся кровью повязку на лице Реваза.

– Точно, – взгляд травматолога был тяжелее гранитного надгробия. – Еще час, максимум – полтора, и я такой же вот мерзостью стану. Причем, если вы до этого момента отсюда не смоеетесь, то застрянете с этой самой мерзостью в одной комнате. Оно вам надо?

От перспективы застрять в одной комнате со здоровяком-грузином, который в любое мгновение может превратиться в хищную плотоядную тварь, Пака аж передернуло, а спина в один миг покрылась холодным потом.

– Что, страшно? – понимающе кивнул врач. – А мне сейчас, думаешь, каково?

– Так чего же делать-то? – осипшим голосом прошептал кореец.

– Выбираться вам отсюда нужно, и чем быстрее, тем лучше.

– Офигительная идея! И как? В коридоре – этих упырей два десятка. Чем ты от них отбиваться будешь? А эту хрень, – Юра мотнул головой в сторону забранного снаружи мощной сварной решеткой окна, – разве что бульдозером выламывать.

– Ну, у входной двери пожарный щит есть, там топор, багор, лопата...

– Ага, мля, а еще – ящик с песочком и ведро красное, конусообразное, чтоб на огород себе его никто не спер! – истерично хохотнул Пак. – Вот только щит этот у входной двери, причем – снаружи. Ой, твою ж мать, ну почему же мы не у меня дома, а?!!!

Перед глазами у Юры явственно встали спрятанные несколько лет назад под ламинатом в спальне «конспиративной квартиры» пистолет ТТ и укороченный милицейский автомат АКСУ с парой магазинов к нему и небольшим боекомплектом. Да еще дома в металлическом ящике стоит вполне законный помповый «Моссберг» двенадцатого калибра. И патроны к нему тоже имеются: полсотни картечных и пулевых десятка два. Немного, конечно, ну так охотой он никогда не увлекался, так, любил иногда по пустым бутылкам в одном овражке неподалеку от «Полянки» пострелять.

– Чего причитаешь? – удивленно глянул на него Реваз. – Оружие, что ли, дома есть?

Пак только молча кивнул.

– Охотник?

– Не совсем...

– Ааа... – понятиливо протянул врач, понизив голос до чуть слышного шепота. – Бандит значит... А хоть бы и так! Все одно шансов больше, чем у какого-нибудь бухгалтера или менеджера по продажам всякой дребедени... Короче так, бандит, если ты мне пообещаешь, что ее выгонишь и не бросишь, я вас отсюда выведу.

Оба мужчины одновременно поглядели на Свету, почти беззвучно рыдающую на легком стульчике в углу, прижав добела сжатые кулачки к подбородку.

– Обещаю. – Юра твердо посмотрел в глаза Ревазу. – А хрен ли толку? Через коридор не прорвемся, а клетку эту на окне даже ты не выломаешь.

– А и не нужно. Ты возле входа план эвакуации при пожаре на стенке видал?

– Да черт его знает, – пожал плечами Юра. – Может, и видел, не приглядывался. А при чем тут это?

– Вот если б пригляделся, то увидел бы, что там написано: «Ответственный за пожарную безопасность – Мвзгришвили Р. А.», в смысле я.

С этими словами Реваз достал из кармана своего халата большую связку ключей с круглой бронзовой печатью-пломбиром вместо брелка.

– Ключ от этих решеток – у меня. Так что я вас сейчас тихонько выпущу, а вы сразу рвите... Ты, кстати, на машине?

– Не, – мотнул головой Пак и ткнул пальцем в окно. – Я из соседней девятиэтажки пешочком приковылял, вон той, новой, из желто-красного кирпича. А вообще машина есть, разумеется. Даже две.

Сказав это, Юра вдруг поймал себя на мысли, что в условиях надвигающегося «звиздеца всему» его старенький армейский УАЗ будет, пожалуй, транспортом куда более подходящим,

нежели ухоженный девятый «Мицубиси Галант», стоящий в гараже его дома в коттеджном поселке на краю Ивантеевского леса.

– Тоже неплохо, – одобрительно хмыкнул Реваз. – Тут всего-то метров сто. По-любому добежите. Только учти, Света – хорошая девушка. Бросишь ее – я тебя и с того света достану, матью клянусь.

Пак лишь молча кивнул в ответ.

– Ну, тогда прощай, – травматолог протянул Паку руку. – И удачи вам.

– И тебе уда... – Кореец осекся, поняв, что говорит явно не то и, крепко сжав ладонь Реваза, поправился: – Прощай!

Когда Юра, из последних сил преодолевая боль в груди, чуть ли не на себе волокущий рыдающую девушку, уже подбегал к своему подъезду, откуда-то издалека, со стороны городской больницы, донеслись завывания сразу нескольких милицейских сирен, а потом послышалась частая пистолетная стрельба и несколько коротких автоматных очередей. Похоже, оставшийся в травмпункте врач оказался прав: в больницу отвезли самых «тяжелых» из перевернувшегося на Ярославке автобуса. И теперь там тоже началось... Хотя, какое к чертовой матери «там». Началось везде. Только пока еще не все это поняли.

г. Пересвет, база подмосковного ОМОНа,

20 марта, вторник, почти полночь

Я сидел на своей койке и неторопливо, сосредоточенно чистил разобранный и разложенный на табурете автомат. Вот хотите – верьте, хотите – нет: успокаивает меня этот процесс. Одни курят, другие четки в руках крутят, какие-то буддистские монахи, говорят, пупок свой созерцают... А я вот – оружие обихаживаю. Дело вроде нехитрое, но от всякой суеты здорово отвлекающее. А вот чего вокруг хватало – так это суеты. В коридорах и кубриках было не протолкнуться от бойцов и офицеров. Казарма гудела сотнями голосов, словно растревоженный улей. Отряд подняли по сигналу «Сбор» и, вернувшись из Ивантеевки, мы застали на базе не только тех, у кого сегодня выходной, но даже отпускников из числа оказавшихся в пределах досягаемости. Кажется, ситуация если пока и не критическая, то уже очень близка к таковой. Я, уже готовившийся к нехилому такому «пистону», вплоть до «неполного служебного соответствия», а то и просто увольнения «по собственному» за рукоприкладство в отношении старшего офицера, внезапно осознал, что об этом происшествии никто и не вспоминает. Ну и слава богу, раз оно начальству не нужно, так и я напоминать о происшедшем тем более не буду.

Дежурный и помдеж носились будто наскипидаренные. Дежурная часть наша просто утопла в потоке телефонных звонков, факсов и ШТшек²⁵ с всевозможными ценными указаниями, суровыми требованиями, немедленными к исполнению приказами и прочими «держи и не пушай». Но при этом каких-то мало-мальски достоверных сведений из Москвы до сих пор так и не поступило. В шифротелеграммах – одни обтекаемые и маловразумительные фразы вроде «агрессивно настроенных субъектов», «приступы немотивированной агрессии», «принять все возможные меры к пресечению» и прочая чушь. Даже мертвяков до сих пор официально таковыми не признали, называют пока зараженными или инфицированными. Хорошо хоть «добро» на открытие огня по этим самым «субъектам» дали и любыми средствами не допускать нападений на нормальных людей разрешили. Зато, видимо, для компенсации единственного полезного и толкового распоряжения прислали приказ об изъятии у граждан даже вполне законных охотничьих стволов «в целях поддержания общественной безопасности и недопущения актов вооруженного насилия среди гражданского населения». Совсем они там в ГУВД рехнулись, что ли? Это самое «гражданское население» вот-вот жрать начнут без соли и уксуса... Хотя о чем это я? Уже небось всю начали, а мы у них чуть ли не единственную

²⁵ ШТ – шифротелеграмма.

надежду на защиту и спасение отнимать должны! Охренеть можно!!! Командир Отряда, полковник Львов, прочтя эту переданную ему дежурным «писульку», только чертыхнулся и велел:

– Передай, что приняли к исполнению, – а потом ухмыльнулся: – Вот у кого дел других нету, тот нехай этой муйней и занимается. А у нас, похоже, и так забот невпороворот будет.

Прямо сейчас, несмотря на позднее время, весь личный состав, кроме нас, побывавших в Ивантеевке, был собран в актовом зале и смотрел на большом, во всю стену, проекционном экране отснятый на фабрике «ужастик». Тисов, стоявший с пультом чуть в стороне, периодически это тошнотворное и, прямо скажем, жутковатое кино притормаживал, давая пояснения и комментарии. Народ у нас в Отряде лихой, ни бога, ни черта не боящийся, но смотрели в гробовой тишине. Проняло парней. Ну а мы, повидавшие все это, что называется, «в условиях дикой природы», сидя по кубрикам, приводили в порядок экипировку и оружие. Лично я для себя одно решил точно: без комплекта щитков для работы «по массовым» из казармы – ни ногой. Против всей этой кусающейся братии поножи и наручи из ударопрочного пластика, закрывающие плечи, ноги от колена до стопы, руки от локтя до кисти и ладони с внешней стороны – самое то. Уж всяко лучше против зубов, чем обычная брезентуха «горки» или «рип-стоп» камуфляжа. Тряпка, даже толстая, она тряпка и есть, а комплект «Щиток», он удар железного арматурного прута держит. Да и шлем нужен обязательно с забралом. Причем можно и не боевой ЗШ-1.2, «Алтын» или Антонов ТIG, той же пластиковой «Джеты»²⁶ вполне хватит. Класс бронезащиты у нее, конечно, никакой, только от камней или палок, ну так мертвяки вроде в использовании подручных средств не замечены, слишком тупые. Зато она легкая, обзор в ней хороший, а сквозь забрало прогрызться тоже еще постараться нужно. Нет, подбородок или шея один черт не прикрыты толком, но все равно кусок щеки, как тому же Гене, уже так легко не отхватят.

Ладно, лирика это все, а сейчас пора с автоматом заканчивать да в актовый зал топать. Там, как только с кино закончат, начнут задачки нарезать.

Еще раз провожу маслянистой ветошью по газовому поршню, вставляю на место затвор и резко досылаю затворную раму по пазам ствольной коробки на положенное ей место. Отлично вычищенный и смазанный механизм автомата клацает негромко, но как-то... ну, я даже не знаю... Довольно так. Сыто. Словно тихо рыкнул умиротворенный удачной охотой и сытной добычей могучий хищник. Ой, как же все-таки прав был предыдущий хозяин, давший автомату такое грозное имя. Он и вправду Тигр. Сильная и смертельно опасная зверюга. Моя зверюга.

В актовом зале, похоже, уже закончили. Когда я прикрываю за собой дверь, Антон уже спускается с невысокого помоста, выполняющего тут роль президиума.

– Ну что, вопросов больше нет? – интересуется стоящий рядом с Тисовым командир Отряда. – Или, может, кто добавит что-то хочет? Вот, Грошев...

Взгляд Бати упирается в меня.

– Ты, Боря, говорят, тоже там отличиться успел. Есть тебе чего добавить?

М-да, рано я, похоже, радовался. Выходка моя точно не забыта и еще будет мне припомнена. Когда-нибудь. Если доживем. А пока важно совсем другое. Сейчас нужно выполнить поставленные задачи и не потерять при этом людей. Тут любой опыт, любая мелочь могут оказаться важными.

– Так точно, тащ полковник, – браво рапортую я от порога. – Разрешите с места?

Львов только кивает большой бритой головой на могучей шее. Народ в зале начинает дружно оборачиваться в мою сторону.

– Я думаю, Тисов вам все основное уже показал и рассказал. От себя добавлю всякие мелочи из личных наблюдений и придумок, которые могут всем здорово пригодиться. Про-

²⁶ «Джета» – ПШ-97, пластиковый шлем с прозрачным забралом, предназначенный для бойцов спецподразделений МВД, работающих на массовых мероприятиях. Класса защиты как такового не имеет и является исключительно противоударным.

тивник у нас, мягко говоря, необычный. Можно сказать, с животными воевать придется. С сильными, крупными, очень опасными, но животными. Стрелять и гранаты кидать в нас они не будут. Зато будут наваливаться толпой, валить с ног и грызть. И тогда – хана. Если укусят, даже если вырвешься, тебе все равно уже конец. Не сейчас, так через пару часов превратишься в такую же погань.

– Это точно? – спросил тихо кто-то в зале.

– А черт его знает. Все покусанные, которых мы видели, – обратились. Причем один, вы его на записи видеть должны были, вообще непонятно каким образом на ноги встать смог, с него, считай, чуть не все мясо обгрызли. Но встал и пошел охотиться. На нас с вами охотиться. Так что, скорее всего, точно.

– А если укус будет маленький совсем?

– Я не медик, но думаю – это не важно. Вот если человеку в кровь ввести шприцем тот же вирус СПИДа, не все ли будет равно, сколько ввели: полкубика, кубик или сразу полулитровую бутылку? Ну разве что заражение при большом объеме быстрее произойдет. Тут, боюсь, то же самое. Мало того, думаю, укус – не единственная опасность...

– Хочешь сказать, что эта дрянь, как грипп, воздушно-капельным передается? – прищурившись, спрашивает Львов.

– Не знаю, тащ полковник, но – вряд ли, иначе мы всем взводом уже бродили бы тут по коридорам со стеклянными глазами и вас сожрать пытались. О другом я. Фильм «28 дней спустя» все смотрели? Там опасен был не только укус, но и попадание крови или слюны зараженного в открытые раны, глаза, рот... На слизистую, короче.

– Боря, ты умом не тронулся? – с мрачной иронией смотрит на меня командир Отряда. – Художественный фильм, «ужастик»... Нет, ну просто очуметь какой источник информации. Ты бы нам еще «Телепузиков» переглядеть посоветовал!

– Товарищ полковник, – мой ответ звучит четко и предельно серьезно, – как только из методического отдела МВД нам пришлют наставление «Ожившие мертвецы и способы борьбы с ними», я сразу перестану страдать фигней. Но пока такие вот «ужастики» – реально чуть ли не единственный источник информации, ну, кроме личного опыта, конечно. И пока информация из этих «источников» только подтверждается. Мертвые встают, жрут живых, пожранные помирают и тоже встают. Боли эти упыри не чувствуют, ни малейших человеческих эмоций не испытывают. Хотят только одного – жрать дальше. Полное разрушение личности и превращение человека в ходячий вечно голодный труп. Окончательно умирают только после повреждения головного мозга. Ну и чем это вам не зомби из фильмов ужасов?! Богом клянусь, если б эти твари начали выпускать из десен длинные клыки, пить человеческую кровь и превращаться в летучих мышей, я, блин, первым рванул бы в библиотеку за «Дракулой» для выяснения всех этих фишек с пулями из серебра, распятиями, святой водой, чесноком и осиновыми кольями!

– Ладно, ладно, притормози. Разошелся, понимаешь. – Командир примиряюще выставляет перед собою ладони. – Ты вроде по делу сказать чего-то хотел?

– Хотел, – киваю я. – По экипировке. Нападают зомби как дикие звери. Поодиночке просто стараются зажать в угол и загрызть, толпой – окружают, отрезают пути к отступлению, валят на землю и рвут в клочья. Одиночные почти не опасны. Они тупые и медленные. Зато – очень страшные, просто жуть. Но если страх этот побороть, то бить их будет несложно даже без огнестрельного оружия: держи дистанцию, не давай в себя вцепиться и бей по башке чем-нибудь тяжелым. Хоть топором, хоть лопатой, хоть монтировкой. С толпой – намного хуже. Тут уже дистанцию держать, скорее всего, не получится и придется очень быстро двигаться. И нужна будет защита. Обычную ткань порвать зубами несложно, брезент «горки» – уже труднее. Тот же кевлар жевать можно хоть до морковкина заговенья. Отсюда вывод – экипировка должна быть легкой, но прочной: «горки», а лучше штормовые комбинезоны первого класса

защиты, вроде тех, что мы у немцев из ГСГ-9²⁷ тогда на «Интерполитехе»²⁸ видали, защитные щитки на руки и ноги, наплечники. Шлемы с забралами, причем можно и легкие – «Джеты» или мотоциклетные. Если без забрала, то очки тактические, чтобы кровь и слюна упырей в глаза не попали. Для защиты торса лучше всего подойдут тяжелые бронежилеты без пластин. Если титан выкинуть, то весу в самом кевларовом пакете и чехле – килограмма полтора. А у того же «Корунда», например, еще и воротник есть. Чем не защита? Пулю, конечно, уже не удержит, так стрелять зомби не умеют. Перчатки нужны обязательно. Причем не эти пижонские, без пальцев, а нормальные, штурмовые или как у страйкболистов. Уж если они мелкие осколки да шарики аирсофтные держат, то прокусить их, скорее всего, не получится. Ну вроде как все пока.

– Что ж, смысл в твоих словах есть, – вновь согласно качнул головой Львов. – Обдумаем. Еще есть у кого какие идеи и соображения? Нету? Ну тогда продолжим. Главк перед нами поставил следующие задачи...

*г. Москва, Калужская площадь, 21 марта, среда,
раннее утро*

Город давил со всех сторон. Вызывал чувство панического, безграничного ужаса. Не буду врать, приходилось прилагать немалые усилия, чтобы ему не поддаться. Давненько я подобного не ощущал. Пожалуй, с зимы девяносто пятого. В Грозном, помнится, было очень похоже. И, не буду врать, трудно сказать, когда же все-таки было страшнее. Тогда я был зеленым сопляком, ничего еще толком не знающим и не умеющим, а Грозный, казалось, смотрел прямо в душу тысячами бездонных черных буркал – выбитых окон. И из каждого в любую секунду могла прилететь короткая автоматная, пулеметная очередь или пуля снайпера. Мертвый город вел охоту за живыми людьми. То, что сейчас происходило в Москве, внешне выглядело иначе: не было разрушенных артиллерийским огнем и многодневными пожарами зданий, горели уличные фонари и светились окна домов, моргали и переливались рекламные щиты. На первый взгляд все было нормально. Но только на первый, и только на взгляд. Потому что на слух город уже был другим. Вместо обычного шума просыпающегося мегаполиса со всех сторон слышны были вой сирен, рык дизелей армейской бронетехники и стрельба. Да, стреляли не так интенсивно, как в свое время в столице Чечни, да и калибры были не столь впечатляющими... Но, с другой стороны, и войны в Москве все-таки не было. Хотя было введенное вчера вечером чрезвычайное положение. И было кое-что еще, то, чего не было даже в Грозном. Над Москвой, будто невидимым облаком, всепроникающим туманом, окутывающим и обволакивающим все вокруг, висел человеческий крик. Кричали одновременно тысячи, десятки тысяч людей. От боли, от страха, от безысходной предсмертной тоски. Крик этот был даже не столько слышен, сколько его просто чувствовали. Он, словно ультразвук, бил по мозгам, давил на психику, вызывая почти физическую боль. Этот город тоже был уже мертв и тоже охотился за живыми, вот только орудие этой охоты было куда страшнее пули, снаряда, мины или осколка. По улицам древней столицы неспешной покачивающейся походкой шли залитые своей и чужой кровью трупы. Пустые оболочки, бывшие совсем недавно людьми, а теперь превратившиеся в кошмарных чудовищ из детских страшилок и фильмов ужасов. Вечно голодных и безжалостных упырей, охотящихся на живых. Зомби. По Москве неотвратимо и неумолимо вышагивала сама Смерть.

О том, что дела пошли совсем паршиво, я догадался еще до того, как мы прибыли на место. По первоначальному плану весь наш взвод на двух «Уралах» и при одном БТР-80 дол-

²⁷ ГСГ-9 – антитеррористическое подразделение федеральной полиции Германии.

²⁸ «Интерполитех» – проходящая в Москве на ВВЦ ежегодная международная выставка, на которой представляют новейшие разработки в области вооружения, экипировки, специальных средств и техники для правоохранительных структур.

жен был прибыть к областному ГУВД в Никитский переулок и, перекрыв его в обе стороны, «осуществлять с целью недопущения». Короче, классическое «держи и не пушай» с поправкой на разворачивающееся вокруг безумие. Но не успели мы даже до Кольцевой доехать, как у меня в кармане беззвучно завибрировал мобильный. Ага, снова дежурка, а значит, или новости, или вводные. И вряд ли что-то хорошее. Так и оказалось.

– Боря, слушай внимательно – загудел в трубке слегка искаженный голос Дяди Сани. – Есть новая задача: один «Урал» и «броня» уходят на Никитский, а ты со своими – дуй на Калужскую площадь, на Житную. Там что-то непонятное приключилось. Их вчера весь день «Брысь»²⁹ охраняла, а часа полтора назад они какой-то приказ получили и снялись всей оравой. Теперь там всей охраны – десяток доблестных «пэпсов» из тех, что разбежаться не успели. Я так понял, они бы и рады, да только упырей на площади уже изрядно скопилось, не выскочить.

– погоди, Дядь Сань, а мы там на кой хрен, если оттуда все, кто мог, уже смылись?

– Ты у меня спрашиваешь?! – рявкает вдруг обычно спокойный и доброжелательный дежурный. – В душе не е... знаю!!!

– Ты чего окрылся-то?

– Ай, не спрашивай, – в голосе майора слышна боль. – Тут ведь по всем правилам приведения в боевую готовность связь нужно устанавливать со всеми. Ну там с вышестоящими нашими и с местными гражданскими властями. Дозвонился до узла связи МОБа³⁰ в Люберцах... А там какая-то девочка-телефонистка. Плачет, говорит: «Дяденька, они все с ума сошли. Едят друг друга. В дверь снаружи ломятся»... Я ей говорю: «Дочка, а кроме тебя-то кто нормальный остался?» А она: «Сначала в коридорах стрелял кто-то, а потом три узика куда-то уехали». Она им в окно махала, но ее то ли не увидели, то ли просто возвращаться не захотели...

– Вот мля... – само по себе вырывается у меня.

– И я о том же, – вздыхает дежурный. – Я спрашиваю: «Сама-то как? Цела?» А она мне: «Ага, меня тоже съест хотели, но я вырвалась и заперлась. Укусили, правда, за ногу, но чуть-чуть совсем. Даже не кровит почти»... Представляешь?

– Звиздец... – безжалостно подвел итог я. – Хана девчужке...

– А то я не знаю... – соглашается тот. – Но ей-то так не скажешь. Говорю: «Потерпи, доченька, я ребятам сейчас скажу, они часика через два-три приедут, выручат тебя». А у самого, сука, аж глотку перехватывает.

– Молодец, Дядь Сань. Все правильно. Нельзя ее было надежды лишать... Ладно, все понял, сейчас Тисову маякну и – на Калужскую.

– Угу, и подзатыльник ему от меня передай. Пусть телефон включит, обормот.

По автомобильной рации связываюсь с едущим на головном «Урале» Антоном, передаю ему «пламенный привет» из дежурки и рекомендации по поводу мобильного, а потом рассказываю о новом приказе.

– М-да, – задумчиво тянет Антоха, – похоже, началось в колхозе утро... Куда ж это «кошек» сдернули? Ладно, главное – на связи будь и, если что, ори погромче, подьемем – выручим.

– Аналогично, – фыркаю в ответ я. – Еще не факт, кому кого выручать придется.

На этой оптимистической ноте мы и разъехались каждый в своем направлении.

Окончательно в том, что дело швах, я убедился, едва мы выехали на Калужскую площадь. Достаточно было бросить взгляд на Садовое кольцо, мертвое во всех смыслах. Что значит «во всех»? А то и значит... Во-первых, от самого пересечения с Большой Якиманкой и аж до едва различимого в предрассветной мгле Крымского моста и эстакады за ним, на Кольце не было

²⁹ «Брысь» – шутивная переделка названия ОМСН МВД «Рысь».

³⁰ МОБ – милиция общественной безопасности.

видно ни одной машины. Нет, понятно, что до утреннего часа пик еще далеко, но это ведь не окраины какой-нибудь Тмутаракани, а самый центр столицы. Это ж вам не Нижние Бодуны какие-нибудь, это Москва – порт пяти морей, город, что никогда не спит. Однако и пустой проезжую часть назвать было нельзя. Движение на ней все-таки имелось. Пешее. И жуткое в своей противоестественности. По Кольцу в каком-то одним им известном направлении ковыляли ожившие мертвецы. И было их настолько много, что меня в первый момент даже оторопь взяла. Как-то не предполагал я, что бедствие приняло такие масштабы, понимал, что дела наверняка не ахти, но надеялся все же на лучшее. Похоже – напрасно.

Перед воротами и вдоль высокого чугунного забора вокруг белого, с огромными стеклами окон здания МВД на Житной мертвяков тоже хватало. Только тут они никуда не шли, а просто стояли этакой живой, а скорее – мертвой изгородью вдоль выложенного полированными каменными плитами парапета. Не меньше полутысячи упырей просто стояли и пялились сквозь слишком узкие для них отверстия между толстыми пиками ограды на темное, без единого светящегося окна здания. И, что интересно, на площади вокруг памятника Ленину оживших мертвецов не было совсем. Угу, понятно. Значит, на площади покойников просто ничто не привлекает, вот они и собрались вокруг места, в котором есть что-то для них интересное. Хотя, если исходить из их весьма однобоких интересов, то там скорее... живые люди.

Когда свет мощных фар «Урала» осветил толпу зомби, часть их повела себя довольно странно. Нет, большинство вообще никак не отреагировало, либо оставшись стоять, как и стояли, либо обернувшись, тупо уставились на подъезжающий грузовик своими страшными мертвыми буркалами. Однако десятка полтора-два весьма резво рванули от нас через Калужскую в сторону ближайших домов. Вот оно даже как... Похоже, некоторые начинают умнеть и прячутся от возможной опасности. Ой, фигово дело! Эткими темпами они если не до человека, то хотя бы обезьяны поумнеть могут, не дай бог, конечно. С другой стороны, какая там обезьяна, даже если они до уровня стайных хищников, вроде тех же волков, разовьются – нам и этого за глаза хватит. Вообще полный песец будет. Что называется, испытайте на себе все прелести загонной охоты. Опять же, какими-то подозрительными показались мне эти поумневшие мертвяки, что-то в них не так было. Хотя, может, и померещилось: яркий свет в окружающей темноте, резкие, длинные тени, вот и исказились пропорции. В любом случае пора уже решать, как во двор въезжать будем. В смысле, как, оно понятно – через ворота, по-другому просто не получится. Осталось только найти способ отворить эти самые ворота. Которые, если мне мой склероз не изменяет, мало того, что открываются с центрального пульта в здешней дежурке, так сейчас еще и толстой цепью на большущем (где вообще отыскали-то такой) амбарном замке замотаны изнутри. И тремя небольшими противотанковыми ежами изнутри подперты. Для пущей надежности, наверное. Фортификаторы, блин! Хотя против тупого мертвого «мяса» – вполне действенно. Ровно до тех пор, пока это самое «мясо» по заборам лазить не научится.

Так, все, теперь приехали окончательно. Мощный бампер «Урала» практически уперся в тела зомби, которые даже не сообразили, что им стоило бы немного посторониться, чтобы не быть раздавленными. Зато мне сверху хорошо стала видна еще одна причина, по которой зомби не желали отходить от забора. Точнее, причин было куда больше, где-то три десятка, если навскидку, почти начисто обглоданных костяков, лежащих в лужах застывшей и замерзшей крови среди обрывков заскорузлого, ставшего на легком ночном морозце колом, тряпья, еще недавно бывшего одеждой. Это что же тут такое произошло? Нет, мы в ОМОНе, конечно, далеко не ангелы белокрылые, но в то, что парни из «Рыси» могли расстрелять бегущих к ним от голодной ходячей мертвечины за помощью гражданских, я просто не поверю. И в то, что просто за забором их умирать бросили – тоже. Это только в фантазиях разных «либеральных правозащитников», с их давно уже съехавшими набекрень мозгами, весь ОМОН – толпа кроважанных мутантов. Которым только и надо от жизни, что сырой человечинки пожевать да

кровушкой запить. Опять же, сдается мне, что нас с этого «почетного пьедестала» уже подвинули. Те самые зомби, которых вокруг пруд пруди и которым впрямь ничего больше не хочется.

Но при всем при этом обгрызенные скелеты все-таки имеются. Вот они, я их собственными глазами вижу. До ближайшего – не больше десяти метров. Чуть ли не потрогать можно... Ладно, сначала нужно во двор въехать, а уж потом будем выяснять, какого рожна здесь приключилось. Снимаю со специального крепежа на задней стене кабины миниатюрную телефонную трубку внутренней связи.

– Так, мужики, что-то надоело мне тут торчать, но вот всю эту стаю вместе с нами во двор запускать не хочется. Предлагаю для начала малость вокруг почистить.

Парни, которым все творящееся вокруг сквозь небольшие, забранные частой решеткой боковые окна кунга видно не намного хуже, чем мне, общим гвалтом выражают свое полное согласие. Кто и что конкретно говорит, разобрать сложно, микрофон и динамики в аппарате стоят слабенькие, но настрой вполне понятен и так.

– Работайте через окна, оба верхних люка и, если получится, через форточку возле передней двери. Сами двери не открывать. Ну его от греха... Хоть они и высоко, но быстро бегать тут кое-кто уже умеет, как бы не выяснить, что они еще и хорошо прыгать научились. Стрелять только одиночными и только в голову. Нечего патроны попусту жечь, у нас их не вагон.

М-да, остается только пожалеть о том, что лазерные целеуказатели и коллиматорные прицелы у нас в Отряде имеются хорошо если у одного бойца из десяти. А ведь обещали выдать на весь личный состав. Да только так эти обещания обещаниями и остались, равно, как и клятвенные заверения перевооружить весь ОМОН со стареньких «макарок» на пистолеты Ярыгина, и рассказы о том, что на всех вместо «семьдесят четвертых» – АК-103 выдадут... Да много чего нам обещали... Впрочем, ладно, дело прошлое, чего уж теперь. Фонари тактические подствольные на всех выдали – и то хлеб.

Тонкие, ослепительно-яркие галогеновые лучи ударили в толпу, высвечивая оплывшие, безжизненные морды (у меня язык не повернется это лицами назвать) зомби. Буквально через мгновение звонко защелкали вразнобой выстрелы. В кабине, несмотря на закрытые окна, кисло запахло сгоревшим порохом. Первые по второму разу умершие упыри рухнули в подмерзшую грязную снежную кашу на асфальте будто манекены. Мертвая толпа вокруг пришла в движение и зомби начали неуклюже разбредаться на негнущихся ногах. Угу, значит, что такое стрельба – тут уже все в курсе. И чем она грозит – тоже соображают. Снова плохо. Еще одно доказательство того, что умнеют эти твари. Неясно только, почему одним света фар хватило, а остальные только с началом пальбы соображать начали. Да и двигались те, первые, более умные, куда проворнее и быстрее. Одни вопросы, блин, и никаких ответов. Да уж, похоже, правильно я Бате сказал – методичек нам никто не напишет, правильные ответы самим искать придется.

Кроме неспешно, но целеустремленно разбредающихся в разные стороны зомби, на нашу стрельбу отреагировали наконец засевшие в здании. В приоткрывшуюся дверь центрального входа протиснулся пожилой, лет пятидесяти, похожий на отравившего пышные усы Колобка мужик, который, смешно перебирая короткими ножками, кинулся к воротам, сжимая в руках «ксюху» с откинутым прикладом. Форма на мужичке цветовой гаммой здорово напоминает нашу омововскую «Ночь-91», вот только полосы рисунка не горизонтальные, а вертикальные. Ну да, как раз в такой «синей осоке» теперь весь спецполк МВД по охране зданий и ходит. Когда он подбегает к воротам вплотную, становятся видны капитанские звездочки на хлястиках-погонах.

– Вы кто?! – орет капитан, пытаясь перекричать уже стихающую стрельбу и фыркание двигателя, при этом оглядывая окрестности в прицел АКСУ. Вот, блин, оказывается, что про-

изойти должно было, чтоб наши «хомячки» из ОБОЗа³¹ наконец вспомнили, для чего им Родина оружие вручила и как с ним обращаться нужно.

– Посадский ОМОН! – кричу я, слегка опустив вниз боковое стекло кабины. – Вам в помощь присланы! Отворяй ворота, а то нам тут торчать уже надоело!

– Ага, понял! Только этих к воротам не подпускайте! – словно китайский болванчик согласно замотал головой тот и, открыв ключом навесной замок, что-то пробормотал в торчащую из нагрудного кармана куртки рацию, а потом начал шустро оттащить в сторону один из ежей.

Когда он оттащил в сторону третий и торопливо метнулся в сторону двери, ворота медленно поползли в сторону по рельсам-направляющим.

– Давай сразу к крыльцу поближе, – кивком показал я водителю предполагаемое место парковки, а потом снова взялся за трубку внутренней связи. – Как остановимся – все к машине, и чтоб за нами следом ни одна тварь в ворота не проскочила!

Ответом мне послужил стук распаиваемых дверей кунга и грохот берцев по асфальту. Брать под охрану периметр вокруг остановившегося транспортного средства моих ребят учить не нужно. Правда, в этот раз даже и возиться-то особо не пришлось, почти все ожившие покойники уже прекрасно уяснили, что против автомата Калашникова на таких дистанциях у них шансов мало. От силы десятков, видимо, уж совсем тупых даже по их зомбьячьим меркам, потопали вслед за «Уралом», но не успели пройти по пять – десять шагов, как ухватили по пуле в голову. Остальные укувыляли в самый центр Калужской площади и сгрудились вокруг поста-мента памятника Ленину, где и расположились этакой inferнальной демонстрацией. Нет, похоже, малость переоценил я их сообразительность. Отойти мозгов хватило, а вот спрятаться – уже нет.

Когда ворота встали на прежнее место, усатый капитан снова замотал их цепью, а Гумаров и Солоха помогли ему водворить на прежнее место ежи.

– Ну и долго вы собираетесь тут стоять, как три тополя на Плющихе? – в голосе усатого явно слышен страх. – Давайте за мной внутрь, этих вид живых людей привлекает.

Выяснять, кого именно «этих», не было никакой необходимости. Чтобы не догадаться, нужно вообще по пояс деревянным быть. К тому же даже в утреннем полумраке было пусть и плохо, но видно, как с Садового, и со стороны Крымского моста, и от транспортного туннеля ниже по Житной, и по Большой Якиманке, и со стороны выхода из метро «Октябрьская» и Ленинского проспекта с Шаболовкой, явно привлеченные звуками стрельбы, поодиночке и группами подтягивались на Калужскую новые и новые мертвецы. Прав капитан, нечего на улице делать. Сквозь тонированные витринные стекла первого этажа мы покойников будем видеть почти так же хорошо, как и с крыльца, а вот они нас – нет.

– Слушай, тащ капитан, а чего это ты сам по двору с автоматом рысачишь и тяжести тягаешь? Неужто ни одного сержанта на это дело не нашлось?

– Ай, брось издеваться, – вяло отмахивается тот. – Сейчас внутрь войдем, на мой личный состав глянешь, сам догадаешься.

И впрямь, протиснувшись в рамку отключенного сейчас металлодетектора и оказавшись в фойе, я сразу все понял... «Батальон смерти», блин... Пять барышень в синем камуфляже и с большими прямоугольными шевронами «Спецполк МВД России» на спинах курток. Возраст – от двадцати до неполных сорока, звания – от младшего сержанта до прапорщика. Вид у всех, мягко говоря, так себе: испуганные, ощутимо бледные даже в полутьме лица, круги и разводы потекшей от слез туши вокруг глаз и на щеках. Амазонки, маму вашу с ратуши... Валькирии. Наберут, блин, по объявлению, а потом мучайся с ними. С другой стороны, чему удивляться-то? Служба в спецполку – никакая: сиди на заднице да на кнопку «вертушки» нажимай,

³¹ ОБОЗ – отдельный батальон охраны зданий.

предварительно удостоверение входящего проверив. Но при этом и зарплата – такая же. В смысле, тоже никакая. Мало кто из устраивающихся в МВД мужиков туда идет. Даже в ОВО или ППС зарабатывают куда больше. А штат комплектовать нужно. Вот и набирают туда одних женщин, которых как раз в другие подразделения брать особо никто не хочет.

– Ага, – заметив мою реакцию, понимающе вздыхает за спиной капитан. – А эти, мля, архаровцы из «Рыси» укатили. Приказ, видите ли, у них. Оставили пять автоматов и патронов к ним два ящика. А толку? Я из «калаша» последний раз стрелял в армии, когда «срочку» служил. В семьдесят восьмом, мля, году. Из АКМС еще. А девчонки мои – вообще ни разу даже в руках не держали. Из «Кедра» у нас были стрельбы, хоть и раз в квартал, но были, а из этих... Ай, да что там говорить, я цинк еле вскрыл, семь потов сошло, пока вспомнил, как это делается.

М-да, вид у стоящего на деревянном патронном ящике цинка на самом деле такой, будто его крепко оголодавший гигантский медведь гризли разжевал и выплюнул. Похоже, долго его усатый мучил и сам с ним мучился. Вон, ручка специальной открывалки, что в каждый ящик с боеприпасами вкладывается, аж коромыслом согнута. Гигант, блин... Могучий варвар... Хотя за коллег тоже стыдно: бросили этого беднягу с пятью бабами и даже цинки открыть не помогли. Но жалеть мне его сейчас некогда.

– Ладно, хорош на судьбину горькую жаловаться, говори лучше, какая сволочь гражданских мертвякам скормила?

– Ка-каких гражданских?

По испуганно выпученным глазам усатого, даже не будучи профессиональным психологом, можно понять, что он в самом деле не понимает, о чем речь.

– Тех, что перед забором обглоданные лежат, – подпускаю в голос металла, уж если колоть, так до самой... э-э-э... филейной части, короче.

– Да ты чего?! – Голос капитана дрожит одновременно от испуга и возмущения. – Это ж не люди... Ну, вернее, когда-то были люди, но сюда пришли уже этими... Мертвыми, короче.

– Хватит бабушку лохматить, – не сбавляю оборотов я. – Зомби зомбей не жрут, вона, чуть не под ручку друг с другом прогуливаются, и никаких тебе...

С этими словами я оборачиваюсь к окну, чтобы широким жестом обвести забитую мертвецами площадь, да так и замираю с открытым ртом, не закончив фразу. Потому что перед воротами сразу четверо вновь прибывших со стороны туннеля на Житной мертвяков, прямо у меня на глазах, опустившись на четвереньки, пристраиваются к пять минут назад застреленному моими хлопцами покойничку. И начинают его деловито обгладывать. Вот это номер! А я-то думал, что у мертвяков промеж собою полные мир-дружба-жвачка. А они, оказывается, не только живыми людьми, но и друг дружкой не брезгают. М-да, классическая ситуация из серии «почувствуй себя идиотом». И с капитаном неудобно получилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.